

Лебедев А. П. Греческие школы — общеобразовательные и духовные (церковные) в Константинопольском патриархате турецкого периода: [Из истории Греко-восточной церкви от падения Константинополя в 1453 г. до настоящего времени] // Богословский вестник 1899. Т. 2. № 5. С. 30–74 (2-я пагин.).

Греческія школы — общеобразовательныя и духовныя въ Константинопольскомъ патриархатѣ турецкаго періода.

(Изъ исторіи Греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя, въ 1453 году, до настоящаго времени)¹⁾

III.

(Церковныя или духовныя школы: Халкинская школа, — ея происхождение, мѣстоположеніе, высшій видъ; ея организація: администрація, преподаватели, ученики, учебныя курсы, экзамены годичныя и выпускныя, — дисциплина и пр.; — вліяніе Московскаго митрополита Филарета на устройство школы; — впечатлѣнія отъ экзаменовъ и церемоніи выдачи дипломовъ въ Халкинскомъ училищѣ; — нѣчто по части статистики школы; — двѣ катастрофы въ жизни школы самаго послѣдняго времени; — судьба питомцевъ Халкинской школы; — мысли Грека по поводу юбилейнаго года этой школы. — Духовная школа въ Константинополь. — Полузаграничныя богословскія училища: Богословскій факультетъ въ Афинахъ, ея неудовлетворительность и безплодность, Ризаріевская семинарія тамъ-же. ея отклоненіе отъ своего назначенія — Вопросъ о состояніи клира Константинопольскаго патриархата текущаго времени по отношенію къ образованности; — опять: надежды на будущее)

Какъ ни странно это, Константинопольская патриархія почти до середины XIX вѣка не имѣла духовныхъ школъ; духовенство получало образованіе въ тѣхъ же общихъ школахъ, въ которыхъ учились всѣ, ищущіе просвѣщенія безъ различія ихъ будущихъ профессій. Впрочемъ нужно сказать, что Византійское государство прожило всю свою жизнь, не имѣя специально - богословскихъ школъ. Но потребности нашего времени не могли не вызвать появленія богословскихъ школъ и въ средѣ греческой церкви, которая, какъ видимъ, долго жила и руководилась преданіями древней Византіи.

¹⁾ Окончаніе См. Богосл. Вѣст., мартъ, стр 358—401.

Первая богословская школа возникает въ Константинопольскомъ патріархатѣ въ 1844 году, при патріархѣ Германѣ IV-омъ и его старшіями. Названіе ея общезвѣстно. Это—Халкинская школа, имѣющая значеніе и главной семинаріи и духовной Академіи для Константинопольскаго патріархата.

Если въ Галатѣ, въ Константинополѣ, сѣсть на пароходъ, отправляющійся къ такъ называемымъ Принцевымъ островамъ Мраморнаго моря, то чрезъ часъ глазамъ откроется зрѣлище острова, представляющаго собою гору, сплошь покрытую густою древесною растительностію и увѣчивающуюся ярко бѣлѣющимъ зданіемъ. Это есть островъ Халки, одинъ изъ группы Принцевыхъ острововъ, а виднѣющееся на немъ зданіе и есть интересующая насъ школа. А еще чрезъ полчаса пароходъ причаливаетъ къ пристани названнаго острова. Съ пристани ясно открывается, что эта школа занимаетъ вершину совершенно отдѣльно стоящей горы. Впрочемъ о. Халки не представляетъ особой пустыни, онъ довольно великъ и въ значительной мѣрѣ населенъ. Кромѣ богословскаго училища и нѣкоторыхъ монастырей, на немъ находятся и другія обширныя училища какъ греческія (напр. коммерческое), такъ и турецкія (военное). Въ Константинополѣ, очевидно, держатся тѣхъ же возрѣній, какихъ и Англичане у себя, именно, что для блага учащихся, а можетъ и учащихся, школы должны быть основываемы вдали отъ шума городского и столичныхъ соблазновъ. Халки оказывается чѣмъ-то въ родѣ Константинопольскаго Оксфорда. Такъ какъ островъ въ значительной степени населенъ, то можно было бы думать, что богословское училище не представляетъ собою очень уединеннаго мѣста. Но такое предположеніе ошибочно. Училище занимаетъ совершенно отдѣльный холмъ, такъ что оно является изолированнымъ, какъ корабль въ морѣ. Съ пристани острова бѣловатыя зданія училища кажутся орлинымъ гнѣздомъ, помѣщающемся на верхушкѣ скалы. Путь къ школѣ по причинѣ крутизны очень труденъ. Тяжелый этотъ путь на одного русскаго путешественника навѣять слѣдующія, не лишеныя справедливости, размышленія: „любящій созерцать можетъ видѣть въ такомъ подъемѣ символическое изображеніе того незримаго труда, съ какимъ христіанскій богословъ восходитъ на мы-

сленную гору возможно-точного и полного боговѣдѣнія,— особеннаго труда въ такія минуты жизни, когда жизнь какой-либо страсти утомляетъ нравственныя силы благочестиваго труженика. Такъ, *царствіе Божіе нудится и нуждицы восхищаютъ е* ¹⁾.... Дорога въ гору не только трудна, но и длинна. Когда лично намъ самимъ приходилось подниматься къ училищу, то даже на долготерпѣливомъ „осляти“ (лошадей не оказалось тамъ) мы взбирались на гору не менѣе 20 минутъ ²⁾. За то поднявшись на гору къ училищному корпусу, путникъ сразу же забываетъ о трудности горнаго подъема. Съ верху холма открывается чудный, единственный въ своемъ родѣ видъ. Вдали чуть-чуть виднѣется Константинополь съ его причудливыми очертаніями, а вотъ и прочіе Принцевы острова, разсѣянные по всеѣмъ сторонамъ; море и небо соперничаютъ между собою въ чистотѣ и яркости лазури, и тутъ же могучій лѣсъ, представляющій собою диковину вблизи Константинополя. Училище стоитъ среди благоухающаго лѣса и дышетъ въ одно и тоже время и горнымъ, и морскимъ, и лѣснымъ воздухомъ. Халкинскую училищную гору за ея восхитительные виды Греки именуютъ Теоетрою. Но самый училищный корпусъ не представляетъ ничего внушительнаго. Школа помѣщается на мѣстѣ древняго монастыря въ честь св. Троицы, основаннаго знаменитымъ патріархомъ Фотіемъ, но отъ монастыря, кажется, ничего не осталось, если не считать небольшой церкви, занимающей центръ училищнаго двора и похожей больше на часовню (или капеллу). Зданія школы имѣютъ видъ правильнаго квадрата и не отличаются ни красотою, ни архитектурными особенностями. Вообще съ перваго взгляда видно, что богословская школа не богата матеріальными средствами и незнакома съ изысканностію. Она не похожа по красотѣ и величинѣ зданій ни на наши Академіи, ни на наши семи-

¹⁾ Журналъ: *Дух. Вѣстникъ*, 1866, октябрь, стр. 256

²⁾ Мы посѣтили о. Халку и его богословское училище въ 1891 году. Впечатлѣніями, полученными вами отъ этой поѣздки, мы отчасти будемъ пользоваться и при описаніи здѣсь Халкинской школы. Но къ сожалѣнію, наша поѣздка происходила въ самый мертвый сезонъ училищной жизни—въ іюль, т. е. въ то время, когда началась вакація въ этой школѣ. См. нашу статью: „Недѣля въ Константинополь“ („Богослов. Вѣсти“, 1892, т. II и отдельной брошюрой).

парин: мнѣ она живо напоминаетъ одно подмосковное духовное училище прежняго времени (50—70-хъ годовъ), именно Николо-Шерервинское, которое помѣщалось тоже въ монастырѣ, въ центрѣ котораго расположена церковь (но величественная и богатая). Я побывалъ въ Халкинскомъ училищѣ, кажется, вездѣ: и въ церкви, и въ библіотекѣ, и въ столовой и въ классахъ, и въ помѣщеніяхъ воспитанниковъ—но все это было болѣе, чѣмъ скромно ¹⁾. Высшіяя училищная жизнь подчинена самому строгому, почти скитскому режиму. Ворота всегда на замкѣ. Нѣтъ тамъ ни оглушительныхъ роялей, ни надобѣдливыхъ скрипокъ (инструментовъ, первообразъ которыхъ созданы печетивымъ поколѣніемъ: Быг 4, 21—23). „Женскъ полъ“ можно видѣть здѣсь только на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Еслибы какимъ-либо волшебствомъ перенести студентовъ какой-либо изъ нашихъ Академій въ запертую ограду Халкинской школы, то никто въ мірѣ не увѣрилъ бы ихъ, что они обрѣтаются въ такъ называемомъ „Училищѣ Великой Церкви“, а не въ великой тюрьмѣ. Но Греки не мы и мы не Греки. У нихъ, взирающихъ на Востокъ и многое не такъ, какъ у насъ, устремляющихъ взоры болѣе на Западъ.

Халкинская школа живетъ и управляется, руководясь опредѣленнымъ уставомъ, утвержденнымъ высшею церковною властію въ Константинополѣ. Одновременно ли съ открытіемъ школы въ 1844 году явился этотъ уставъ,—точныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Одно можемъ утверждать съ полною несомнѣнностію, что нынѣ дѣйствующій уставъ есть уставъ новый, которому предшествовалъ другой. Можно находить нѣкоторую разницу между указанными двумя уставами. Первый возникъ и дѣйствовалъ до 1867 года, когда при Константинопольскомъ патріархѣ Григоріи VI-омъ выработашъ и изданъ уставъ, сохраняющій свою силу до теперешняго времени. Объ уставѣ до-григоріевскомъ мы имѣемъ

¹⁾ Описывая училищныя зданія, мы должны сказать, что таковыми они были до 1894 года, когда страшное землетрясеніе разрушило училище. Впослѣдствіи, именно уже въ 1896 году, школьный корпусъ былъ восстановленъ; но въ первоначальномъ ли видѣ—этого мы не знаемъ. Впрочемъ, вѣроятно все, что сохраненъ прежній видъ училищныхъ зданій, ибо Константинополь городъ археологическій и тамъ любятъ при-держиваться старины.

пемного свѣдѣній и этими свѣдѣніями мы обязаны извѣстному русскому изданію: „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго“. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 50-хъ годовъ нашему великому святителю по какой-то, остающейся невыясненною, причинѣ прежній до-григоріевскій уставъ Халкинской школы отданъ былъ на разсмотрѣніе. Весьма возможно, что Константинопольская патріархія, желая дать возможно - лучшую постановку учебно-воспитательнаго дѣла въ Халкинской школѣ, обратилась къ нашему свѣтѣйшему Синоду, въ вѣдомствѣ котораго уже давно находилось множество специально-духовныхъ школъ, съ предложеніемъ выразить свой голосъ по вопросу о порядкахъ, существовавшихъ въ тогдашней Халкинской школѣ. Синодъ, какъ это часто случалось въ то время, подобную задачу поручилъ Московскому святителю Филарету, исполняя это порученіе, двукратно разсматривалъ уставъ указанной школы и выразилъ о немъ свое компетентное мнѣніе. Въ общемъ Московскому владыкѣ уставъ мало понравился, хотя въ тоже время онъ находилъ, что частности этого устава заслуживаютъ одобренія и даже подражанія. Объ уставѣ Халкинской школы Филаретъ говорилъ: *организация Халкинскаго богословскаго училища незавидна: управленіе училищемъ не очень достойно подражанія: статьи о ученіи (наукѣ) въ уставѣ Халкинскаго училища скудны*. Но въ уставѣ — прибавляетъ мудрый критикъ — есть примѣчательныя правила относительно благочестія, нравственности, благочинія, хозяйства“ ¹⁾. Вотъ отзывъ Московскаго святителя о прежнемъ уставѣ Халкинской школы. Замѣтимъ, что многія сужденія владыки, отличающіяся, какъ всегда, проницательностію и глубиною, съ благодарностію и большою пользою приняты во вниманіе составителями новаго устава той-же школы, совершившими дѣло пересмотра этого послѣдняго, какъ мы сказали, въ правленіе патріарха Григорія VI-го (въ 1867 г.). Впрочемъ съ деталями сужденій митрополита Филарета по интересующему насъ вопросу считаемъ болѣе умѣстнымъ познакомить читателя при разсмотрѣніи теперешняго строя учебно-воспитательнаго дѣла въ изучаемой нами школѣ.

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита Московскаго Томъ IV, стр. 389 392 561 М 1886

Итакъ, посмотримъ: какія характеристическія черты представляетъ теперешній строй учебно-воспитательнаго дѣла въ Халкинской школѣ? При разсмотрѣніи этого вопроса мы будемъ руководствоваться главнымъ образомъ теперешнимъ уставомъ Халкинской школы ¹⁾, причѣмъ станемъ держаться и того порядка въ размѣщеніи отдѣльныхъ сторонъ вопроса, какой находимъ въ томъ же уставѣ. Полный титулъ Халкинскаго училища, по указанію устава (§ 1) такой: „Богословская школа Великой Христовой церкви“. „Школа содержится на ежегодные взносы вселенскаго патріарха и святыхъ архіереевъ вселенскаго престола, на добровольныя приношенія христіанъ-любителей науки“ (§ 2). Но это не значитъ того, чтобы содержаніе школы всецѣло падало на сейчасъ нечисленныя взносы. По крайней мѣрѣ, по увѣренію

¹⁾ Когда въ 1891 году намъ посчастливилось побывать въ Халкинской школѣ, то, зайдя въ ея бібліотеку, мы просили о бібліотекаря дать намъ „протоколы“ или „отчеты“ касательно учебно-воспитательной дѣятельности школы; но оказалось, что ничего подобнаго вовсе не существуетъ. А чтобы не оставить насъ съ обманутыми надеждами, бібліотекарь любезно подарилъ намъ „Уставъ“ школы. Призваемся, что тогда не придали этому подарку никакого значенія, ибо путешественнику профессорскаго званія всегда приходится получать въ подарокъ много всякаго книжнаго хлама отъ разныхъ лицъ. Но *теперь*, когда намъ приходится писать о Халкинской школѣ, мы возчувствоваши великую благодарность за сейчасъ указанный подарокъ. Ибо достать „Уставъ“ Халкинской школы русскому ученому, я думаю, не легко, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно существуетъ ли въ продажѣ это изданіе? Уставъ носить стѣдующее заглавіе: *Κανονισμός τῆς ἐν Χαλκῇ θεολογικῆς σχολῆς, τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης Ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως* 1874. Уставъ этотъ изданъ въ первый разъ въ 1867 году, какъ указываетъ дата, помѣщенная при нѣсколькихъ строкахъ брошюры. Мы считаемъ этотъ уставъ и нынѣ дѣйствующимъ въ 1-хъ потому, что экземпляръ его подаренъ намъ былъ въ 1891 году не въ качествѣ археологической ретиквіи, а во 2-хъ потому, что съ 1891 года мы усердно слѣдили за движеніемъ школьнаго духовнаго учебнаго дѣла въ Константинопольскомъ патріархатѣ и однакожь не встрѣчали никакихъ указаній на отмену или новое редактированіе устава 1867 года. Позволимъ себѣ еще замѣтить, что редакція устава 1867 года носитъ слѣды поспѣшности и даже небрежности; такъ мы, напримѣръ, встрѣчаемся со стѣдующимъ неизвинительнымъ противорѣчіемъ въ уставѣ при исчисленіи школьнаго персонала (§ 12) говорится, что въ школѣ полагается *одинъ* надзиратель, а при указаніи качества надзирателя и его обязанности говорится, что таковыхъ лицъ должно быть *два* (§ 153). Въ офиціальномъ изданіи такого рода погрѣшности непростительны.

одного русскаго знатока современнаго востока. „Контингентъ воспитанниковъ Халкинской школы составляютъ большую часть дѣти свѣтскихъ лицъ, матеріально обезпеченныхъ, воспитанники и родственники епархіальныхъ архіереевъ, послушники или докны состоятельныхъ игуменовъ, эпитроповъ и тому подобныхъ, вліятельныхъ въ штатныхъ афонскихъ монастыряхъ, лицъ, которыя (всѣ) дѣлають опредѣленный ежегодный взносъ за своихъ питомцевъ въ школу на ихъ содержаніе“ ¹⁾. Такимъ образомъ положенный по уставу обязательный ежегодный взносъ на практикѣ покрывается, кажется, только часть училищныхъ расходовъ—именно содержаніе учебно-воспитательнаго персонала и поддержаніе въ должномъ порядкѣ училищныхъ зданій.

Въ административномъ отношеніи школа состоитъ въ непосредственной зависѣмости отъ патріарха, находится подъ вѣдѣніемъ комитета изъ архіереевъ, носящаго имя „эфоріи“ и управляется схолархомъ, т. е. ректоромъ (§ 3). Эфорія состоитъ изъ четырехъ лицъ, принадлежащихъ къ числу членовъ синода, равныхъ по значенію въ завѣдываніи школы, избираемыхъ патріархомъ и синодомъ на одинъ годъ; впрочемъ дозволяется одного и того же эфора избирать и еще на годъ (§ 5 и 11). О схолархѣ въ уставѣ говорится слѣдующее: онъ долженъ имѣть богословское и не богословское образованіе, но въ особенности первое. Схолархъ долженъ неотлучно оставаться въ стѣнахъ школы (за рѣдкими исключеніями) и получать продовольствіе отъ нея же. Онъ есть предсѣдатель учительскаго совѣта, созываемаго по его желанію; вопросы, разсматриваемые въ совѣтѣ, рѣшаются большинствомъ голосовъ; при раздѣленіи голосовъ по-ровну большинство признается за тѣмъ мнѣніемъ, въ пользу котораго подаетъ свой голосъ схолархъ; составляются протоколы засѣданій совѣта, но о печатаніи ихъ въ уставѣ нѣтъ ни слова. Схолархъ отдаетъ отчетъ въ своей дѣятельности эфоріи, а чрезъ нее патріарху и синоду (14. 16. 21—22). Обыкновенно схолархомъ бываетъ лице, носящее званіе архимандрита, но должность эту иногда занимаетъ и лице епископскаго достоинства и даже въ санѣ митрополита.

¹⁾ Изъ библиографъ статьи проф. А. А. Дмитриевскаго „Труды Кіевск. дух. Акад.“, 1891, т. III, 138

Преподавательскій персоналъ составляетъ десять учителей, не включая схоларха, который обязанъ преподавать какую-либо науку въ школу, но не обязательно богословскую (§ 17. 23). Преподаватели назначаются эфоріей по соглашенію съ схолархомъ и утверждаются патриархомъ и синодомъ. Они должны имѣть священный санъ или по крайней мѣрѣ быть богословски образованы. Жить они должны въ стѣнахъ школы и отъ нея же получать продовольствіе, обѣдать, подобно схоларху, вмѣстѣ съ учениками отъ одной и тойже трапезы, а ужинать имѣютъ право у [себя въ помѣщеніи. Но во всякомъ случаѣ одинъ или двое учителей, наблюдая между собой очередь, обязаны являться къ общей вечерней трапезѣ воспитанниковъ (§ 24. 25. 29). Замѣчу, что когда я самъ обозрѣвалъ столовую Халкинской школы, то мнѣ бросился въ глаза слѣдующая странность: одинъ или два стола были выше другихъ и такъ сказать господствовали надъ ними. Я не могъ понять этого явленія и изъ разспросовъ проводника узнать, что болѣе высокіе столы назначены для учительскаго персонала. (Нужно ли это?) Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ уставѣ нѣтъ упоминанія о томъ, какъ поступаютъ женатыя преподаватели: неужели и они обязательно являются въ столовую къ ученикамъ для обѣда и дѣлаютъ себя такимъ образомъ какъ бы между двумя семьями. А быть можетъ женатыхъ преподавателей не полагается и ихъ не бываетъ—этого я, къ сожалѣнію, не знаю. Митрополитъ Фитаретъ, по поводу главы устава о преподавателяхъ сдѣлалъ такую отмѣтку: „хорошія черты, что наставники составляютъ общезиміе и могутъ оставаться на всю жизнь“ (?). Но прибавляегь, что „у насъ подражать сему неудобно“ и выражаетъ по этому поводу сожалѣніе ¹⁾.

Глава устава о воспитанникахъ представляетъ не мало любопытнаго. „Число учениковъ—говорится здѣсь—не превышаетъ 60-ти, но однако (сознаемся, нѣсколько неслучайно замѣчается въ § 35) можетъ увеличиваться по мѣрѣ возрастанія матеріальныхъ средствъ школы“. Намъ кажется, что появленіе этой послѣдней прибавки въ цитируемомъ нами мѣстѣ устава, можно объяснить слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Собраніе мѣній и отзывовъ, стр. 359

митрополиту Филарету въ свое время была извѣстна лишь первая половина параграфа о числѣ учениковъ („число учениковъ не превышаетъ 60-ти“). Но это указаніе нашему святителю не нравилось. Онъ писалъ: „управленіе Халкинскимъ училищемъ не очень достойно подражанія. Подъ патріархомъ три ежегодные эфора, казначей и онъ же членъ синода, потомъ схолярхъ — митрополитъ, наставники, экономъ, подчиняющійся схолярху и состоящій въ ежедневномъ сношеніи съ казначеемъ, четыре части печати въ четырехъ рукахъ (смотри § 4), 25,000 руб. сереб. содержанія¹⁾— для чего все это?— для 60-ти учениковъ“²⁾. Это справедливое замѣчаніе Московскаго святителя, сдѣлавшее извѣстнымъ составителямъ новаго Халкинскаго устава эпохи Григорія VI-го, можно утверждать, заставило придумать редакторовъ устава и они сочли нужнымъ къ словамъ: „не превышаетъ 60-ти“ и т. д. присовокупить добавленіе: „но однако число это можетъ увеличиваться по мѣрѣ возрастанія“ и т. д. Укажемъ далѣе правила, въ соотвѣтствіи съ которыми принимаются воспитанники въ указанную школу. „Они должны быть не моложе 18-ти лѣтъ и не старше 22, за исключеніемъ кончившихъ курсъ въ гимназій, которые могутъ быть принимаемы до 25-ти лѣтъ“ (разумѣется въ этомъ случаѣ не въ первый классъ); они обязаны доставить свидѣтельство, скрѣпленное подписью архіерея о добрыхъ ихъ правахъ и хорошемъ ихъ поведеніи“. „Каждый изъ нихъ долженъ имѣть поручителемъ кого-нибудь изъ архіереевъ въ томъ, что онъ со всею точностію будетъ исполнять обязанности, возлагаемыя уставомъ на учениковъ школы, и что по достиженіи опредѣленнаго канонами возраста, онъ приметъ священныи санъ“ Въ случаѣ смерти поручителя уставъ требуетъ, чтобы воспитанникъ представилъ за себя другаго поручителя изъ архіереевъ же (§ 35—39). Считаемо нужнымъ замѣтить, что приведеніе въ на-

¹⁾ Въ составъ этой суммы входятъ и 2000 рублей золотомъ, ежегодно отпускаемые нашимъ свѣтѣннымъ Синодомъ для усилія средствъ казначейства Халкинскаго училища. Любопытно, что на Черногорскую духовную семинарію тоже наше правительство ежегодно ассигнуетъ 8000 руб. золотомъ. Спрашивается: почему такое неравенство въ вспоможеніи великой церкви и малой церкви?

²⁾ Стр. 561

лежащій порядокъ сейчасъ указанныхъ правилъ касательно воспитанниковъ совершенно по мысли и критическимъ замѣткамъ Московскаго святителя Филарета. Въ прежнее уставѣ Халкинскои школы указано бытъ не готъ возрастъ поступающихъ въ школу учениковъ, какъ въ новомъ уставѣ: дозволялось принимать и дѣтей 12-ти лѣтъ. Вслѣдствіе чего поручительство архіеревъ и за такихъ дѣтей, что они со временемъ примутъ священный санъ, являлось нецѣлесообразнымъ. Съ допущеніемъ въ школу дѣтей такого молодого возраста соединялись и нѣкоторыя неудобства. Все это не укрылось отъ пронизательнаго взора Филарета, и онъ писалъ: „ученики принимаются отъ 12 до 25 лѣтъ. Разница трудная для единства въ ходѣ ученія. Притомъ отъ учениковъ, при вступленіи въ училище требуется подписка, что примутъ священнической санъ. Какъ можно требовать сего отъ двѣнадцатилѣтняго“ чрезъ его поручителя? ¹⁾ Составители новаго устава, какъ видно, не только приняли во вниманіе замѣчанія Филарета, но и сдѣлали соответствующія измѣненія въ уставѣ: опредѣлено было принимать въ школу учениковъ не моложе 18-ти лѣтъ, вслѣдствіе чего организація училища пріобрѣла болѣе стройности и разумности. Составители новаго устава дѣйствовали, имѣя такого пронизательнаго помощника, какъ пріенопамятный Филаретъ. Сдѣлаемъ перечень остальныхъ правилъ нашедшихъ себѣ мѣсто въ главѣ устава: „о ученикахъ“. Здѣсь перечисляются обстоятельства при которыхъ ученики подлежатъ исключенію, при этомъ замѣчается, что если какой-нибудь ученикъ захочетъ покинуть школу раньше окончанія курса, или откажется принять священный санъ по достиженіи каноническаго возраста, то поручитель подобнаго ученика обязанъ вознаградить школу за убытки чрезъ внесеніе 15-ти турецкихъ шрѣ за каждый годъ пребыванія его въ школѣ. Впрочемъ въ правилахъ сказано, что буде ученикъ отказавшійся посвятится въ священный санъ, потомъ, сдѣлаетъ это, поручитель получаетъ обратно изъ школьнаго казначейства внесенный имъ штрафъ. Нужно сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ поручитель освобождается отъ возмещенія убытковъ при выходѣ ученика изъ школы ранѣе

¹⁾ Стр. 389—390

окончания курса; это допускается, если ученикъ заболѣлъ при причинной болѣзни, или оказался неспособнымъ къ ученію въ теченіе перваго же училищнаго курса (§ 42—44). Если мы не ошибаемся, поручители въ дѣйствительности рѣдко платятся за тѣхъ учениковъ, которые не желаютъ принять сана; это заключеніе основывается на томъ наблюденіи, что ученики часто даже заканчиваютъ курсъ, оставаясь въ мірскомъ званіи.

Быть можетъ, не лишнимъ будетъ для болѣе яснаго представленія школьной организаціи перечислить науки, преподаваемыя въ Халкинскомъ училищѣ. Кругъ наукъ богословскихъ составляютъ слѣдующія: церковная исторія, герменевтика и толкованіе св. Писанія, догматическое и нравственное богословіе, патрологія и еврейская археологія, пастырское богословіе, гомилетика, катихитика, штургика и церковное право, богословскія упражненія (въ чемъ состоятъ эти упражненія, скажемъ ниже). Къ общеобразовательнымъ наукамъ отнесены въ уставѣ изучаемой школы: св. исторія, катихизисъ, антропологія (точнѣе: физиологія), психологія, логика, нѣмецка и исторія философіи, греческій и латинскій языки и ихъ филологія, риторика и сочиненія, геометрія, арифметика, алгебра, математическая географія, исторія, хронологія (?), славянскій (читай: русскій) и болгарскій языки; а также языки турецкій и французскій, церковная музыка (пѣніе) теоретически и практически (§ 45). Всѣ эти науки проходятся въ теченіе семи лѣтъ. При чемъ на первыхъ курсахъ преобладаютъ общеобразовательные предметы изученія, а на послѣднихъ наоборотъ—богословскіе. Такъ, наприм., на шестомъ курсѣ, если не считать языковъ, изъ наукъ общеобразовательныхъ преподается лишь исторія философіи; а на седьмомъ—исключительно одиѣ богословскія науки. Стоитъ отмѣтить, что при изученіи латинскаго языка ученики знакомятся не только съ обычными свѣтскими писателями, но и съ церковными—Тертуліаномъ, Амвросіемъ, Августиномъ (ibid.). Въ высшемъ послѣднемъ классѣ изложеніе наукъ оканчивается въ февралѣ, а остальное время года предоставляется ученикамъ употребить на приготовленіе къ выпускному экзамену, который именуется экзаменомъ на шлоу (46). Въ разсматриваемой намъ главѣ устава „о наукахъ“ помѣщены почему-то еще слѣдующіе параграфы: „въ

каждый воскресный день схоларъхъ и прочіе преподаватели по очереди произносятъ въ школьномъ храмѣ предъ учениками краткое поученіе нравственнаго содержанія; гомилетическія упражненія (оныты) воспитанниковъ седьмаго курса произносятся съ амвона школьнаго храма, въ присутствіи всѣхъ преподавателей и учениковъ" (§ 47. 53). Не можемъ удержаться, чтобы не похвалить это послѣднее обыкновение: оно очень практично и разумно. Одно остается неяснымъ для насъ въ приведенномъ правилѣ: за богослуженіемъ ли произносятся вышеуказанныя гомилетическія пробы (оныты) или вѣгъ его:—разумѣется,—мы хвалимъ рассматриваемое обыкновение лишь въ томъ случаѣ, если требуется произносить проповѣди съ амвона, но не во время богослуженія, причемъ наставникъ гомилетики можетъ дѣлать соотвѣтствующія нуждѣ замѣчанія, въ противномъ же случаѣ, т. е. если гомилетическіе оныты происходятъ въ церкви за богослуженіемъ, указанное обыкновение лишается оригинальности, не представляя собой ничего необычнаго.

М. Флареть, рассматривая прежіиіи уставъ Халкинской школы, замѣчаетъ: „статьи о ученіи въ немъ скудны“, т. е. мало удовлетворительны, не указывая въ точности—въ чемъ заключаются недостатки этихъ „статей“. Во всякомъ случаѣ великій святитель былъ правъ, дѣлая подобную замѣтку. И въ повомъ уставѣ „статьи о ученіи“ нельзя признать удовлетворительными. Въ нихъ совсѣмъ не указывается, на какой степени высоты должны стоять въ школѣ науки, напр. богословскія. Одни названія наукъ очень мало говорятъ о томъ, насколько серьезно и глубоко они должны быть изучаемы. При томъ въ этихъ „статьяхъ“ встрѣчаются требованія, бросающіяся въ глаза своею наивностію, наприм. говорится: каждая наука должна быть преподаваема сполна, отъ начала до конца“ (*ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τέλους*, § 49). Подобныя требованія скорѣе напоминаютъ нисшую школу, чѣмъ такую школу, которая въ одно и тоже время играетъ роль и семинаріи и академіи, какова школа Халкинская. Здѣсь очевидно наука понимается въ узкомъ смыслѣ, въ смыслѣ учебной книги по известной наукѣ. Въ составѣ наукъ, преподаваемыхъ въ школѣ, есть такія, безъ которыхъ легко обойтись, и нѣтъ такихъ, которыя въ наше время считаются совершенно необходимыми. Напримѣръ, преподается какое-то

„естественное право“ (*γ νοσιχὸν δίκαιον*), какъ отдѣль философи (5-й курсъ), и не излагается такая простая и цужная наука, какъ физика. Какъ увидимъ ниже, Халкинская школа даетъ ученой степени претендующую на такое же значеніе, какое у насъ имѣетъ степень магистра; и однако уставъ не указываетъ, чтобы воспитанники школы занимались составленіемъ научныхъ диссертаций, возбуждающихъ и развивающихъ мыслительныя способности.

Очень любопытны экзаменныя порядки, существующіе въ изучаемой намъ школѣ. Очевидно, здѣсь придается большое, даже преувеличенное значеніе экзаменамъ. Экзамены въ Халкинской школѣ бываютъ двоякаго рода: годичныя (курсовые) и экзамены на дипломъ (выпускныя). Испытания послѣдняго рода происходятъ публично (57, 59).

Скажемъ сначала о курсовыхъ. Ученіе въ школѣ въ первыхъ шести классахъ продолжается до конца мая, а июнь мѣсяць назначается для подготовки учениковъ къ годичнымъ испытаніямъ. Экзаменаціонная коллегія состоитъ изъ однихъ учителей подъ предѣлательствомъ схоларха, при чемъ каждый изъ наставниковъ экзаменуетъ изъ своего предмета, прочіе же преподаватели могутъ предлагать вопросы только съ разрѣшенія схоларха. Ученики экзаменуются по жребію (*δαί κληροσ*), т. е. по билетамъ, изъ всѣхъ наукъ, пройденныхъ въ теченіе годичнаго курса (нужно помнить, что воспитанники послѣдняго VII-го курса годичныхъ экзаменовъ не сдаютъ). По окончаніи экзаменовъ экзаменаціонная коллегія, собравшись нарочно, опредѣляетъ степень успѣховъ учениковъ, принимая во вниманіе въ особенности отмѣтки учителей въ теченіе всего года. При оцѣнкѣ успѣховъ принимаются во вниманіе письменныя работы учениковъ, какъ-то—разсужденія и упражненія. Достоинство ученическихъ успѣховъ обозначается не баллами, а словами: порядочно, хорошо, отлично, причемъ первая отмѣтка имѣетъ значеніе единицы, вторая—2, а третья—3. Ученики, получившіе за совокупность курсовыхъ успѣховъ отмѣтки: „отлично“ и „хорошо“, переводятся въ слѣдующій классъ. Ученикъ же, имѣющій за совокупность тѣхъ же успѣховъ отмѣтку: „порядочно“, для перехода въ слѣдующій классъ обязанъ удовлетворительно сдать экзаменъ предъ началомъ ученія (въ концѣ августа), иначе остается на второй годъ въ томъ же классѣ. Если же

по истеченіи и втораго года ученикъ будетъ имѣть отмѣтку: „порядочно“, тогда исключается изъ школы съ извѣстными послѣдствіями для его поручителя. Наиболе преуспѣвшіе ученики получаютъ награду, по каковую—уставъ школы этого не указываетъ (§§ 62—72).

Читатель безъ сомнѣнія обратилъ вниманіе на то, что успѣхи учениковъ обозначаются не баллами, а опредѣленными словесными отмѣтками: „отлично“, и пр. Эта особенность представляетъ принадлежность новаго Халкинскаго устава, а въ прежнемъ ея не было. Въ этомъ послѣднемъ предписывалось отмѣчать успѣхи учениковъ баллами. Виновникомъ же переменъ былъ святитель Филаретъ, который подвергъ суровой критикѣ систему баллистички, усвоенную Халкинскимъ училищемъ. Преосвященный критикъ писалъ: „опредѣленіе успѣховъ учащихся числами и баллами есть странное превращеніе умственнаго въ механическое. Нельзя почитать удовлетворительнымъ этого превращенія разумныхъ свидѣтельствъ о разумныхъ дѣйствіяхъ учениковъ въ бессловесныя числа, которыя и рѣшаютъ судьбу ученика сложениемъ и вычитаніемъ“¹⁾. Голосъ московскаго критика былъ услышанъ въ Константинополѣ и баллистичка исчезла²⁾.

Экзамены воспитанниковъ седьмаго курса на дипломъ (*ἔπι διπλωματι*) происходятъ такъ: они предшествуютъ годичнымъ испытаніямъ учениковъ прочихъ шести классовъ (экзамены обыкновенно начинаются 1-го іюля). Экзаменаціонная коллегія на этотъ разъ состоитъ изъ преподавателей богословскихъ наукъ; впрочемъ, если кто изъ прочихъ преподавателей имѣетъ богословскій дипломъ (какой школы?), то и этотъ можетъ входить въ составъ той-же коллегіи. Выпускные экзамены раздѣляются на письменные и устные. Письменные бывають за 15-ть дней до наступленія устныхъ, и производятся такимъ образомъ. Каждый изъ преподавателей

1) Стр. 390—362

2) Въ Московской Духовной Академіи до введенія новаго академическаго устава (въ 1870-омъ году), значить во все время управленія ею Филарета, система балловъ въ оцѣнкѣ успѣховъ учащихся тоже не примѣнялась. Существовали, если память намъ не измѣняетъ, стѣдующія отмѣтки успѣховъ по экзамену и сочиненіямъ студента, очень хорошо, хорошо, довольно хорошо и порядочно.

богословскихъ наукъ приготовляетъ столько тетрадей, сколько экзаменующихся учениковъ, на нихъ пишетъ изъ каждой науки (богословской) по три вопроса, изъ числа которыхъ ученикъ обязанъ дать письменный отвѣтъ на какой нибудь одинъ; дѣло это происходитъ подъ наблюдениемъ сcholарха и преподавателя: для написанія отвѣта дается срокъ въ три часа, пишущій не долженъ имѣть подъ руками ни книги, ни записокъ, и не долженъ совѣтоваться ни съ кѣмъ изъ присутствующихъ: по изготовленіи письменныхъ отвѣтовъ на вопросы ученикъ вручаетъ тетрадь сcholарху. Тетради эти сcholархомъ отдаются на разсмотрѣніе экзаменаціонной коллегіи, которая принимаетъ ихъ во вниманіе при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ; мало того: онѣ приносятся на публичныя испытанія для ознакомленія съ ними всѣхъ желающихъ.—Устные же испытанія происходятъ слѣдующимъ образомъ: на нихъ присутствуетъ самъ вселенскій патріархъ, по крайней мѣрѣ двое членовъ патріаршаго синода и членовъ эфоріи ¹⁾. Каждый изъ преподавателей предлагаетъ экзаменуемому различныя вопросы изъ каждой богословской науки: „экзамень имѣетъ видъ собеседованія“. Въ заключеніе происходитъ что-то въ родѣ диспута между авторомъ и преподавательскою коллегіей, по поводу особаго сочиненія, составленнаго испытуемымъ. Въ поясненіе сего сказаннаго нужно замѣтить слѣдующее: каждый изъ оканчивающихъ курсъ по крайней мѣрѣ за мѣсяць до экзаменовъ обязанъ представить сcholарху сочиненіе на богословскую тему, избранную самимъ авторомъ, по одобренію сcholархомъ: сочиненіе должно быть написано на чистомъ греческомъ языкѣ, имѣть объемъ не менѣе печатнаго листа. Сcholархъ отдаетъ это сочиненіе на разсмотрѣніе преподавателямъ каждому порознь (§ 73—78 с. пч. 60) ²⁾.

¹⁾ Иногда экзамень происходитъ еще болѣе торжественно: на немъ присутствуетъ Синодъ въ полномъ составѣ, съ патріархомъ во главѣ.

²⁾ Кажется, въ прежнемъ уставѣ положеніе дѣла касательно сего указаннаго сочиненія было иное и отличалось крайнею неопредѣленностью. Такое заключеніе можно сдѣлать на основаніи слѣдующихъ замѣчаній митрополита Филарета: „на выпускномъ экзаменѣ сcholархъ задаетъ испытуемому какой-либо изъ богословскихъ уроковъ, при чемъ позволяется имѣть тетрадку. Если предметъ назначенъ на самомъ экзаменѣ, то откуда-же возьмется готовая тетрадка о предметѣ, который до экза-

Остановимся на минуту на разсмотрѣніи способа, по которому производятся экзамены въ изучаемой пами школь. Сообразно требованіямъ устава ученики, за исключеніемъ выпускнаго класса, подвергаются испытаніямъ по билетамъ. Московскому святителю не по душѣ пришелся такой способъ испытанія учениковъ—и онъ въ свое время говорилъ о немъ съ поразительною рѣзкостью. Вотъ его разсужденія: „И въ Халкинское училище проникла *зараза* испытанія по билетамъ. Странный обычай, основанный на подозрѣніи въ обманѣ. Науку бросаютъ въ воздухъ, въ беспорядкѣ на изорванныхъ доскуткахъ. Но этотъ способъ самъ себя обманываетъ. Худой ученикъ, которому попадется знакомый вопросъ, кажется хорошимъ; хорошій ученикъ, если предметъ не по силамъ обширенъ, затрудняется иногда нечаянностію вопроса. Способнѣйшему ученику—поясняетъ свою мысль критикъ въ другомъ мѣстѣ—достается простой предметъ, и испытатель не имѣетъ случая открыть достоинства ученика. Слабому ученику достается трудный вопросъ, и испытатель затрудняется рѣшить, потому ли отвѣтъ неудовлетворителенъ, что труденъ вопросъ или потому, что ученикъ незнающъ. Еслибы испытаніе шло по порядку науки (т. е. безъ билетовъ, и въ порядкѣ учебнаго пособия), то уму и памяти ученика удобно было бы слѣдовать за движеніемъ предмета. А отъ обмана не трудно остеречься вызовомъ учениковъ не по волѣ наставника, а по назначенію испытателей, и вопросамъ испытателей, которые (вопросы) могутъ быть обращены не къ памяти, а къ уму испытываемыхъ и тѣмъ лучше открыть ихъ достоинство. Истина лучше открыться можетъ, когда испытатель выйдетъ изъ порабощенія билетамъ. Сіе говорится здѣсь не только противъ Халкинской школы,—прибавляетъ м. Филаретъ,—но и противъ нашихъ“ ¹⁾. Но нашего святителя не послушалось не только начальство нашихъ школъ, живущихъ „въ порабощеніи билетамъ“, но не вяло

меня не былъ извѣстенъ? А если предметъ данъ и тетрадка написана заранее, что это за экзаменъ? Можно и чужое сочиненіе написать въ тетрадкѣ и читать на экзаменѣ—частію наизусть, частію по тетрадкѣ” (стр. 391) Несомнѣнно, что въ повомъ уставѣ вопросъ о сочиненіи выпускнаго ученика болѣе упорядоченъ, согласно указанію Московскаго іерарха

¹⁾ Стр. 390, 562.

критику и начальство Халкинской школы, вообще очень цѣнившее мудрѣя замѣчанія Московскаго мудреца. Почему случилось это постѣднее — разъяснить не беремся. Отрадно будетъ указать на то, что выпускные экзамены происходятъ въ изучаемой школѣ не „въ порабощеніи билетамъ“. Они происходятъ въ разговорной формѣ, въ видѣ собесѣдованія экзаменаторовъ съ экзаменуемымъ (*ἐν εἰδει συνδιαλέξεως*). Если этотъ экзамень выпускнаго курса явился въ Халкинской школѣ въслѣдствіе замѣчаній Московскаго іерарха, то и это остается знаменательнымъ, какъ признакъ вліянія матой церкви на великую.

Постѣ этого небольшого отступленія докончимъ изложеніе свѣдѣній о выпускныхъ экзаменахъ. По окончаніи экзаменовъ схолярхъ и наставники богословскихъ наукъ, нарочито собравшись, посредствомъ закрытаго голосованія (*διὰ μυστικῆς ψηφοφορίας*) производятъ оцѣнку каждаго изъ окончивающихъ курсъ учениковъ, принимая при этомъ во вниманіе успѣхи, оказанные ими на прежнихъ годичныхъ попытаніяхъ по богословскимъ наукамъ. Отмѣтки успѣховъ и при этомъ случаѣ остаются тѣ же, какія встрѣчаемъ и на первыхъ курсахъ: „отлично“, „хорошо“, „порядочно“. Ученики, получившіе отмѣтку: „отлично“ и „хорошо“, удостоиваются диплома, съ печатью школы, подписаннаго схолярхомъ и утвержденаго патріархомъ. А имѣющие отмѣтку: „порядочно“ обязываются явиться на экзамень въ эту же школу въ будущемъ году въ обычное время. Воспитанники, еще не пріявшіе свящ. сана, хотя и присужденные получить дипломъ, получаютъ таковой по посвященіи. Если же воспитанникъ, не удостоенный диплома, не пожелаетъ подвергнуться вторично экзамену, то онъ оставляетъ школу безъ всякаго аттестата, при чемъ поручитель его несетъ извѣстныя уже намъ постѣдствія (§ 79—81). Если воспитанникъ, получившій при окончаніи курса лишь отмѣтку „порядочно“, и во второй разъ потерпитъ неудачу, если же притомъ онъ уже носитъ священный санъ, то онъ увольняется безъ обычнаго взысканія съ поручителя и получаетъ отъ школы аттестатъ, удостоверяющій его благоповеденіе и то, что онъ слушалъ уроки въ школѣ; аттестатъ этотъ имѣетъ подпись схолярха и утверждается патріархомъ. Если же таковой неудачникъ не получитъ еще посвященія, то пору-

читель его обязанъ понести не разъ уже упомянутыя послѣдствія, впредь до хиротоніи этого питомца школы. Лица, получающія дипломъ, провозглашаются „дидаскалами православнаго христіанскаго богословія“ (§ 81. 83). Эта степень въ переводѣ на языкъ нашихъ ученыхъ степеней значить „магистръ богословія“. Въ прежнемъ же уставѣ тѣ же, удостоившіеся получить дипломъ, именовались даже „дидакторами богословія“, т. е. докторами богословія¹⁾. Но не слѣдуетъ слишкомъ обольщаться этими громкими титулами: въ практикѣ же усваивается учено-богословской степени, даруемой Халкинскою школою, не больше значенія, чѣмъ звѣстной нашей степени: студентъ духовной семинаріи²⁾, что конечно вполне справедливо, такъ какъ вся ученость питомца разсматриваемой школы нечерпывается представленіемъ въ совѣтъ школы письменнаго сочиненія объемомъ въ печатный листъ (о чемъ уже было упомянуто)

Экзамены напоминають о вакаціи. II Халкинскій уставъ отъ экзаменовъ переходитъ къ регламентаціи вакаціи. Этимъ временемъ считается время, протекающее отъ окончанія испытаній (приблизительно съ 10 іюля) до 1-го сентября, но на самомъ дѣлѣ каникулы бывають еще короче, потому что въ концѣ августа происходятъ переэкзаменовки и бываетъ пріемъ новыхъ учениковъ въ разные классы (§ 84 слѣд. 53—54). По поводу регламентаціи каникулъ уставъ вообще очень точно перечисляетъ дни, считающіеся праздничными въ Халкинской школѣ. Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи. На масляницѣ къ праздничнымъ днямъ относится лишь суббота, новидному нѣтъ нашихъ святочныхъ вакацій, не принадлежатъ къ днямъ праздничнымъ 9 мая, 8 мая, 26 сентября. Но за то къ праздничнымъ днямъ отнесены слѣдующіе дни, не считающіеся у насъ таковыми: 26 октября (память св. Димитрія Солунскаго), 6 февраля (память св. Фотія—мѣстный праздникъ), 23 апрѣля (св. Георгія) и 30 іюня.

Переходимъ къ разсмотрѣнію обязанностей, возлагаемыхъ на учениковъ и учителей Халкинскимъ уставомъ и относящихся къ области религіозной практики и благоповеде-

¹⁾ Собр. мнѣя и отзывы Филарета, стр. 391.

²⁾ Изъ статьи проф. Дмитріевскаго (указана выше), стр. 140

нія. Религіозныя обязанности указанныхъ лицъ заключаются въ слѣдующемъ: воспитанники поютъ и читаютъ при совершеніи церковныхъ службъ; всѣ безъ исключенія, какъ учителя такъ и ученики въ извѣстное время дня являются къ церковнымъ службамъ, совершаемымъ въ школьномъ храмѣ ¹⁾. Воспитанники исповѣдаются и принимаютъ св. Христовы тайны по крайней мѣрѣ четыре раза въ году: въ день Рождества Христова, въ Пасху, въ праздникъ св. Апостоловъ (30 июня) и въ Успеневъ день. Намъ очень нравится это обыкновеніе—и мы думаемъ, что очень хорошо сдѣлали бы наши духовныя школы, если бы ввели этотъ превосходный христіанскій обычай, переносящій нашу мысль во времена священной древности. Предъ принятіемъ св. Причастія требуется совершать таинство елеосвященія ²⁾ (§ 88—89. 91).—Школьныя обязанности халкинскихъ учениковъ не представляютъ особенностей. Упомянемъ только о распредѣленіи часовъ, назначаемыхъ на ученіе. Утромъ уроки начинаются въ 8 часовъ и продолжаются до полудня, а потомъ послѣ обѣда зимой отъ 1½ до 3½, а лѣтомъ отъ 2 до 4-хъ (§ 93). — По части благоведенія и благочія учениковъ въ Халкинской школѣ принято не мало очень хорошихъ правилъ. „Ученики должны быть правдивы въ сношеніи со всѣми“. А „любя подлежать наказанію“. Золотыя слова—если откуда, то изъ школъ и въ особенности изъ духовныхъ людеѣ должна быть безусловно и энергически изгоняема, какъ омерзительный порокъ. „Ученики должны относиться другъ къ другу, какъ братъ къ брату“. Запрещены въ школѣ и споры, и раздоры, и тайныя сходбища. Особенно превосходно слѣдующее правило: „ни одинъ изъ учениковъ не имѣетъ права самовольно дѣлать никому никакихъ замѣчаній, даже самому послѣднему слугѣ. (Петивно такъ!) Въ случаѣ же неудовольствія на кого-нибудь ученикъ обязанъ обращаться къ ехларху“ (§ 113—114). Не даромъ такой разумный человѣкъ, какъ митрополитъ Филаретъ, говорилъ: „въ Халкинскомъ уставѣ есть примѣчательныя правила относительно благоче-

¹⁾ Такии службами считаются—утреня, вечера и совершаемое на сонъ грядущій повечеріе

²⁾ Митрополитъ Филаретъ вопрошаетъ, „для чего предъ причащеніемъ елеосвященіе для небольшихъ“ (561); но вопросъ этотъ остается безъ отвѣта

стія, правственности и благочинія“. Только тотъ не согласится съ великимъ святителемъ въ данномъ случаѣ, чье нравственное чувство притуплено и извращено. Вообще уставъ требуетъ отъ воспитанниковъ Халкинской духовной школы, чтобы они жили достойно ихъ предназначенію и избѣгали всего несоотвѣтствующаго ихъ священнолѣпному характеру. Въ числѣ правилъ встрѣчаются и такія: книги, одежду, письма и прочее, что поступаетъ въ школу или посылается изъ нея—должно быть передаваемо при посредствѣ вратаря и надзирателей: дозволяется входить въ комнату другаго ученика только днемъ, на короткое время и по уважительному поводу: запрещается быть что-либо украдкой, употреблять напитки и курить (§§ 115, 117—118). По халкинскому уставу, разъ исключенный ученикъ снова въ школу не принимается (120). — Инспекціи въ нашемъ смыслѣ слова въ изучаемой школѣ—не имѣется.

Въ уставѣ Халкинскаго училища находится глава подъ заглавіемъ: „О входѣ въ училищное помѣщеніе и выходѣ изъ него“. Здѣсь говорится слѣдующее: ученики выходятъ на прогулку все вмѣстѣ и одновременно дважды въ день, послѣ обѣда на полчаса, причемъ прогуливаются окоу школьныхъ воротъ, и подвечеръ на одинъ часъ, причемъ гуляютъ по склону холма: прогулки совершаются подъ наблюденіемъ особыхъ надзирателей и въ тишинѣ. Изъ постороннихъ никому не позволяется входить въ школу или посѣщать учениковъ безъ разрѣшенія схоларха, въ послѣднемъ случаѣ начальникъ заведенія назначаетъ мѣсто и часъ свиданія. Строго воспрещено лицамъ постороннимъ ночевать въ школѣ (§ 106—108).

Костюмъ воспитанниковъ однообразный и состоитъ изъ подрясника или полукафтаныя, подпоясаннаго чернымъ кожанымъ ремнемъ и короткой полуряски. На головѣ они носятъ невысокую камплавку—скуфу, подъ которую подбираютъ свои длинные волосы. Одежда у учениковъ своя, по одного качества и покроя. Въ уставѣ Халкинской школы съ большею подробностію перечисляются тѣ вещи, которыя должны доставить они въ школу при поступленіи въ нее. Здѣсь между прочимъ поменованы: два ночныхъ колпака, кровать со всѣми необходимыми постельными принадлежностями, смотря по времени года, одинъ стулъ и одинъ столъ и проч.

Учебныя книги у воспитанниковъ должны быть свои: для домашняго чтенія ученикъ не лишенъ права имѣть свои же книги, но лишь такія, которыя не расходятся съ требованіями благочестія, государственнаго устройства страны (Турции) и должной нравственности: употребленіе всякихъ другихъ книгъ воспрещено (§ 98—100).—Столы ученики имѣютъ отъ училища и получаютъ ежедневно завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Трапеза совершается въ полной тишинѣ и безмолвіи. Только большіе имѣютъ право на отдѣльную отъ другихъ пищу (§ 101—103). Въ мясоѣдъ столъ (обѣдъ и ужинъ) состоитъ изъ двухъ сытныхъ мясныхъ блюдъ, а въ постныя дни изъ такого же числа рыбныхъ ¹⁾

Вообще жизнь Халкинскои школы, внѣшній строй ея воспитанниковъ покоится на началахъ общежительнаго монастырскаго устройства, хотя на самомъ дѣлѣ школа не служитъ подготовленіемъ къ монашеству. Монастырскій строй жизни въ особенности напоминаетъ слѣдующее обыкновеніе, утвердившееся въ бытѣ халкинскихъ штомцевъ: являясь ко схоларху, воспитанники прежде чѣмъ начать свою рѣчь съ нимъ, дѣлаютъ метаніе (земной поклонъ) схоларху и цѣлуютъ его руку. Тоже самое повторяютъ по окончаніи бесѣды ²⁾. Монашескому строю изучаемой школы ни мало не противорѣчитъ то обстоятельство, что штомцы этой школы кушаютъ въ установленное на то время мясную пищу, ибо на всемъ Востокѣ эту пищу разрѣшаютъ себѣ и архимандриты, и епископы, и митрополиты и даже сами патріархи, и поступаютъ такъ по вполне уважительной причинѣ: всѣ они, по ихъ твердому убѣжденію, къ сонму монаховъ не принадлежатъ ³⁾.

Въ уставѣ Халкинскаго училища находимъ регламентацію относительно духовника, служащихъ при училищѣ священникахъ ⁴⁾, надзирателяхъ, экономѣ, по статьямъ эти не пред-

¹⁾ Изъ статьи проф. А. А. Дмитриевскаго „Труды Кіев. Дух. Академіи“, 1891 г. III, 139

²⁾ Тамъ-же

³⁾ Тамъ-же. 141—142

⁴⁾ Нѣкоторые русскіе церковные историки, даже читавшіе уставъ Халкинскои школы, не понимаютъ роли духовника и предписываютъ ему функціи, принадлежащія священникамъ, состоящимъ на службѣ при училищѣ. Такъ одинъ изъ такихъ церковныхъ историковъ говоритъ: „свя-

ставляют особенного интереса. Любопытно отметить следующее: прежнимъ Халкинскимъ уставомъ требовалось, чтобы завѣдывали хозяйствомъ школы казначей и экономъ. Митрополитъ Филаретъ, разсматривая этотъ уставъ, написалъ: „на что казначей и экономъ, а не одинъ?“¹⁾ И вотъ—казначей исчезаетъ изъ штата Халкинской школы. Видно, что составители новаго устава не пропустили мимо ушей даже мимолетныхъ замѣчаній нашего проищательнаго святителя.

Къ сожалѣнiю, внутренняя жизнь Халкинской школы рѣдко встрѣчаетъ такихъ наблюдателей, которые считали бы своимъ долгомъ знакомить публику съ вынесенными или отъ нихъ наблюденiй впечатлѣнiями. По крайней мѣрѣ мы лично, знаемъ очень мало таковыхъ наблюдателей. Намъ приходилось встрѣчаться съ изложенiемъ впечатлѣнiй подобныхъ наблюдателей лишь касательно двухъ сторонъ въ жизни Халкинской школы: во 1-хъ, относительно экзаменовъ, во 2-хъ,—относительно церемонiи выдачи дипломовъ кончившимъ курсъ и имѣющимъ на то право.

Лице, побывавшее на экзаменахъ въ указанной школѣ, раскрываетъ предъ нами слѣдующую картину: Въ небольшой комнатѣ, назначенной для экзаменовъ, прямо отъ входа, вдоль всей стѣны тянется широкiй турецкiй диванъ, должеиствующiй приять на себя iерарховъ: предъ диваномъ,—

шеннодѣйствуетъ на ежедневныхъ службахъ въ школѣ особый, имѣющийся здѣсь духовникъ“ Но духовникъ совсѣмъ не для этого назначается. Въ уставѣ прямо сказано: „духовникъ, если онъ почему-либо не живетъ въ школѣ, обязанъ безотлагательно явиться въ нее, какъ скоро онъ будетъ приглашенъ схолархомъ для совершения таинства *покаянiя*“ (§ 143) Церковныя же службы въ школѣ совершаютъ особые священники, носящие необычное у насъ, но употребительное на Востокъ названiе: эфимерiи (*οἱ ἐφημέριοι*) (§ 144—5) Слово это остается невразумительнымъ и для нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ историковъ, даже знакомыхъ съ текстомъ устава Халкинской школы. Они путаютъ, перемѣшивая должности духовника и эфимерiевъ. Нужно знать, что нѣкоторые священники въ Греции носятъ это наименованiе, означающее: дневальный, дежурный,—въ отличiе отъ священныхъ лицъ, хотя носящихъ этотъ санъ, но служащихъ или въ центральныхъ учрежденiяхъ патриархiи, или занимающихъ должности въ родѣ схоларха, или принадлежащихъ къ свитѣ патриарха, вообще въ отличiе отъ такихъ духовныхъ лицъ, для которыхъ священныи санъ не есть главное. Эфимерiи—тоже, что наши *приходскiе* священники, они обязаны совершать *ежедневныя* службы

¹⁾ Стр. 391

покрытый бѣлою скатертью, столъ, на которомъ приготовлено было іераршее облаченіе; далѣе влѣво отъ этого стола къ стѣнѣ еще столъ и при немъ нѣсколько стульевъ для профессоровъ—экзаменаторовъ, по стѣнамъ— направо и налѣво—стулья для публики. Въ 9 часовъ вошли іерархи и профессора училища. Патріарха не было по причинѣ нездоровья; его лице представлялъ митрополитъ Никомидійскій, старшій между всѣми іерархами Константинопольскаго патріархата. Когда онъ облачился, началось молитвословіе, продолжавшееся около получаса. Затѣмъ іерархи заняли мѣста на диванѣ: первый помѣстился митрополитъ Никомидійскій, какъ бы на кровати; за нимъ — другіе митрополиты въ два ряда; одни сѣли на краю дивана, какъ сидятъ всѣ и у насъ, свѣсивши ноги, а другіе забрались къ нимъ за спины, утѣвивши тамъ, поджавши ноги. Схолархъ прочелъ составленный имъ отчетъ о состояніи училища¹⁾. Въ отчетѣ сначала изображалась идеальная сторона школы, говорилось, каковы должны быть воспитанники, готовящіеся въ ней къ пастырскому служенію; затѣмъ, переходя къ дѣйствительности, ораторъ замѣтилъ, что она, къ сожалѣнію, далеко не отвѣчаетъ идеальнымъ требованіямъ: одинъ изъ воспитанниковъ уволенъ изъ училища за дурное поведеніе, трое отпавились домой для поправленія здоровья, но объ одномъ изъ нихъ замѣчено, лучше было бы, если бы онъ не возвращался²⁾. Объ окан-

1) Конечно, сообразно 61 § устава, гдѣ сказано: „предъ началомъ экзаменовъ, по окончаніи молитвословія, схолархъ читаетъ отчетъ о матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ состояніи школы“; здѣсь же прибавлено: послѣ отчета „одинъ изъ преподавателей произноситъ краткую рѣчь на богословскую тему“ (что было и на этотъ разъ, какъ увидимъ ниже).

2) Нужно сказать, что митрополитъ Физареть, принимая во вниманіе 36 § устава, гдѣ читаемъ: „каждый изъ архіереевъ имѣетъ право помѣстить одного воспитанника въ школу“,—находилъ это правило непрактичнымъ и замѣчалъ: „ему (схоларху) могутъ прислать учениковъ, которыхъ онъ не призналъ бы достаточно подготовленными и *съ которыми ему трудно будетъ*“ (стр. 389). И нашъ мудрый іерархъ былъ правъ. Печальные случаи, подобные тому, о которыхъ упоминаетъ вышеприведенный „отчетъ“, повторяются, къ сожалѣнію, не рѣдко въ исторіи Халкинской школы. Такъ, на примѣръ, въ „отчетѣ“ за 1886 года халкинскій схолархъ не обвиняетъ объявлять во всеуслышаніе: „въ дѣствіе того, что нѣкоторые изъ архіереевъ, руководимые только добротой, даютъ рекомендаціи и берутъ на себя поручительство безъ надлежащаго испытанія и

чивающихъ курсъ сказано, что только одинъ изъ нихъ рѣшился служить церкви въ духовномъ званіи и для этого принять уже посвященіе въ іеродіакона, а другіе еще на этотъ счетъ колеблются и такимъ образомъ все заботы и все затраты церковныя на ихъ образованіе могутъ остаться непроизводительными. Далѣе говорилось о составѣ профессорскаго персонала. Въ заключеніе однимъ профессоромъ произнесена была рѣчь о соединеніи церквей. Заснмъ началось самое испытаніе. Экзаменовались окончившіе курсъ по нѣкоторымъ богословскимъ предметамъ. Студенты вызывались по билетамъ (въ формѣ свернутыхъ бумажекъ), на которыхъ написаны были ихъ имена и которые брали и открывали схиархъ. Каждый вызванный прежде всего подходитъ къ митрополиту Никомидійскому, кланялся ему въ ноги и цѣловать просто безъ благословенія протягиваемую руку ¹⁾ Экзамень для каждаго студента по одному предмету продолжался 5—10 минутъ. Отвѣты вообще были тверды, но довольно элементарны и повидному буквально заучены. Вопросы только давались профессоромъ предмета, по которому шелъ экзамень. Самы митрополиты—синодаты хранили совершенное молчаніе ²⁾. Къ 12-ти часамъ экзаменціонное засѣданіе уже кончилось.—Быль я еще—говорить тотъ же поствитель хаткинскихъ экзаменовъ—на грѣско-лькихъ экзаменахъ, которые производились въ томъ же порядкѣ, между прочимъ на экзамень по русскому языку. Для чтенія съ разборомъ и переводомъ назначено было слово митрополита Филарета: „чего вы ожидаете слушатели слова отъ служителей Слова“. Произношеніе грѣско-лько рѣзало слухъ, по

ознакомленія съ рекомендуемыми, между учениками иногда оказываются не только недостойные заботы школы и издержекъ на ихъ содержаніе, но и худой правдивости“ *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια* (Константинопольскій духъ журналъ), 1886 *τόμ* 3, *σελ* 221

¹⁾ Нашъ описатель, видимо, изумляется такому обыкновенію. Но мы не будемъ этого дѣлать, когда уже знаемъ, что воспитанники школы, по введенному порядку, припадаютъ къ ногамъ даже схиарха и лобзаютъ его неблагоговѣющую руку (объ этомъ было нами говорено нѣско-лько раньше)

²⁾ „Хранили молчаніе“ Вѣроятно они—замѣтимъ мы—точно стѣдуютъ хаткинскому уставу, который разрѣшаетъ предлагать вопросы воспитанникамъ только экзаменатору и прочимъ учителямъ (постѣднимъ съ ограниченіемъ), и никому изъ постороннихъ (§ 62)

грамматическій разборъ и переводъ были совершенно удовлетворительны ¹⁾

Другой посѣтитель Халкинской школы записалъ свои впечатлѣнія касательно церемоніи выдачи дипломовъ окончившимъ здѣсь курсъ. Вотъ его наблюденія. Въ богословскомъ Халкинскомъ училищѣ 1 и 2-го іюля производился экзамень воспитанникамъ VII-го, послѣдняго, класса. А 3-го ²⁾ въ воскресенье происходилъ выпускъ окончившимъ полный училищный курсъ. Выпускъ состоитъ обыкновенно въ торжественной раздачѣ дипломовъ тѣмъ изъ питомцевъ, которые сдѣлають удовлетворительно выпускной экзамень, т. е. получаютъ на экзамень отмѣты: отлично и хорошо (и слѣдовало бы прибавить: „и которые уже имѣють духовный санъ“). На актъ былъ приглашенъ нашъ (русскій) посланникъ въ Константинополь. Въ посольствѣ не мало оказалось лицъ, готовыхъ раздѣлять его сочувствіе къ богословскому училищу — этому единственному разсаднику высшаго духовнаго образованія во всемъ константинопольскомъ патріар-

¹⁾ Проф. А. Лебедева (Харьковскаго) „Изъ путевыхъ воспоминаній“ (*Православ. Обзоръ*, 1882, т. I, 146—149) — По поводу заявленія нашего описателя о совершенно удовлетворительномъ изученіи разсматриваемыхъ халкинцами русскаго языка, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько ограничительныхъ замѣчаній. Со словъ какого-то Рачинскаго митрополита Филарета писалъ: „у архимандрита (очевидно, учителя) въ классѣ славянскаго (т. е. русскаго) языка (рѣчь идетъ о Халкинскомъ училищѣ) три или четыре ученика и изъ нихъ только одинъ слушаетъ внимательно“ (стр. 391). Значитъ, въ Халкинскомъ училищѣ изученіе русскаго языка въ концѣ 50-хъ годовъ было въ полномъ небреженіи. Едва ли въ положеніи дѣла произошло улучшеніе и послѣдствіи. Когда въ 1891 году я посѣтилъ Халкинское училище, то одинъ воспитанникъ его, сербскій уроженецъ, носившій званіе протосинкелла (!) въ разговорѣ со мной откровенно сознался, что русскіихъ книгъ нѣтъ изъ учениковъ не читаетъ (см. нашу статью въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, за 1892-й годъ: „Недѣля въ Константинополь“). Мы, впрочемъ, не сомнѣваемся, что и Лебедевъ достаточно усвоилъ отвѣтъ халкинскаго ученика по русскому языку (а это съ непривычки не всегда удается), но цѣльно помнить, что экзамены всегда заключаютъ много показнаго (такъ почему-то бываетъ въ духовныхъ школахъ), да и отвѣчать по русскому языку на сей разъ мѣлъ не грекъ, а какой-нибудь сербскій протосинкеллъ!

²⁾ На этотъ разъ церемонія выдачи дипломовъ очевидно произошла раньше производства экзаменовъ въ прочихъ классахъ, вѣроятно потому, что на 3 іюля пало воскресенье, а указанная церемонія всегда происходить въ день воскресный (§ 83)

хатѣ. Наставники и ученики богословскаго училища встрѣчали посѣтителей при входѣ въ обитель. Преславскій митрополитъ Анѣмъ въ качествѣ временнаго начальника училища сказалъ привѣтственные рѣчи нашему посланнику по-русски ¹⁾, греческому по-гречески. При входѣ въ училищную залу почтенные посѣтители встрѣчены были патріархомъ и всѣми членами Синода. Затѣмъ все взошли въ храмъ, гдѣ имѣлъ быть актъ ²⁾. Патріархъ и Синодъ, учащіе и учащія заняли въ храмѣ каждый свое мѣсто. Патріархъ въ мантіи и омофорѣ началъ обычное молитвословіе, которое заключалось въ пѣніи тропаря и кондака Пятидесятницы, тропаря тремъ святителямъ (глубоко знаменательный обычай, замѣтимъ мы), еще нѣкоторыхъ стихирь и молитвы „Царю Небесный“; за пѣніемъ стихирь слѣдовала эктенія, въ которой поминали строителей (ктиторовъ), благотворителей, учащихъ, учащихся и всѣхъ ревнителей духовнаго просвѣщенія; наконецъ отпустъ—пѣли іерархи, наставники и нѣкоторые изъ воспитанниковъ. Это — первая часть акта. Послѣ молитвы все сѣли. Секретарь училища Германъ Григоръ, стоя прочиталъ журналъ засѣданій 1 и 2-го іюля, окончившихся къ питомцамъ, выходящимъ изъ заведенія. Въ нынѣшнемъ (1866) году кончили полный курсъ науки четыре человека: двое съ отлѣткой отлично и двое съ отлѣткой хорошо; все они имѣли священный санъ. Изъ 40 воспитанниковъ заведенія только 4-ро кончили курсъ—число слишкомъ недостаточное для такого патріархата, въ которомъ считается больше 100 епархій. Ректоръ (схолярхъ) сказалъ окончившимъ курсъ напутственное слово, что требуется уставомъ и обычаемъ. За чтеніемъ слова началась раздача дипломовъ слѣдующимъ порядкомъ. Секретарь читалъ вслухъ всѣхъ дипломъ воспитанника, оканчивающаго курсъ; ректоръ въ свою очередь читалъ написанное на особомъ листѣ наставленіе отъ имени училища питомцу, оставляющему это послѣднее; а питомецъ какъ бы въ отвѣтъ на это наставленіе съ своей стороны читалъ, писанное на другомъ листѣ, обѣщаніе служить вѣрно

¹⁾ Воспитаникъ Московской духов. Академіи, впоследствии экзархъ Болгарскій.

²⁾ Церемонія выдачи диплома предусмотрена уставомъ (§ 83), но на самомъ дѣлѣ она происходитъ болѣе торжественно, чѣмъ какъ положено

Христовой церкви. Подписавъ прочитанное обѣщаніе, онъ получалъ свернутый въ трубку дипломъ отъ ректора ¹⁾, принималъ благословеніе отъ патріарха, дѣлалъ легкія поклоны иерархамъ и возвращался на свое мѣсто. Тоже самое повторялось четыре раза, по числу оканчивающихся курсъ. Всѣ четверо были Греки. Одинъ изъ получившихъ дипломъ говорилъ собранію благодарственную рѣчь, но говорилъ такъ тихо и вяло, такъ монотонно и безжизненно, что онъ могъ бы усыпить слушателей, если бы чтеніе его продолжалось немного больше. Но къ удовольствію публики, его скоро остановили, чтобы выслушать протоколъ выпускнаго акта, составленный секретаремъ въ то время, какъ молодой ораторъ читалъ предъ собраніемъ что-то въ полголоса. Протоколъ прочитанъ и актъ объявленъ окончаннымъ. Посѣтители—прибавляетъ описатель—цѣлый часъ потомъ оставались еще на островѣ. Въ библіотекѣ, въ училищной египетской патріархъ былъ въ высшей степени любезенъ съ дорогими и рѣдкими гостями ²⁾.

По ознакомленіи съ церемоніаломъ выпускнаго акта Халкинской школы, считаемъ умѣстнымъ сообщить нѣкоторыя, доступныя намъ, статистическія данныя о количествѣ воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ въ этой школѣ за время ея существованія. Въ 1866 году дипломы, выданные воспитанникамъ кончившимъ курсъ и имѣющимъ посвященіе носили №№ 107—110 ³⁾. Отсюда видно, что начиная съ 1848 года ⁴⁾ выдано было такихъ дипломовъ въ среднемъ выводѣ по 6-ти въ годъ. Общее число учениковъ, учив-

¹⁾ Иногда при этомъ случаѣ дипломъ вручаетъ „дидаскалу богословія“ самъ патріархъ. Такъ въ 1892 году, по сообщенію Константинопольскаго журнала, семь лицъ духовнаго сана получили дипломъ изъ рукъ его свѣтѣйшества *Ἐκκλησιαστικῆ Αἰδέσει*, 1892, № 19 (10 Юлія) σελ. 145.

²⁾ „Выпускной актъ богословскаго училища на островѣ Халки“, статья неизвѣстнаго автора: „Духовный Вѣстникъ“ (давно не существующій журналъ), 1866 года, октябрь, стр. 255—260. См.ч., если угодно, *Православное Обзоріе*: 1881 г., т. I, 149.

³⁾ Тамъ-же, 258.

⁴⁾ Говоримъ съ 1848 г., хотя училище, какъ извѣстно, открыто въ 1844 году; потому что, по уставу, въ Халкинское училище ученики принимаются отнюдь не свыше 4-го класса, и следовательно, имѣя семь классовъ, школа не могла съдѣлать перваго выпуска ее питомцевъ ранѣе 1848 г.

нихся въ Халкинской школѣ отъ ея основанія до 1878 года насчитывалось до 350 человекъ ¹⁾. Изъ отчета Халкинской школы за 1886 годъ видно, что отъ основанія ея до сей-часъ указаннаго года дипломовъ въ ней удостоено 271 человекъ, изъ которыхъ 33 лицамъ они не были выданы на руки, такъ какъ эти 33 воспитанника не приняли посвященія ²⁾. Такимъ образомъ, къ этому времени въ среднемъ выводѣ была предназначена выдача дипломовъ 7-ми воспитанникамъ въ годъ, значительное большинство которыхъ и получило таковыя дипломы. Въ 1886 г. учениковъ въ школѣ было 80, окончило курсъ 8-ро и получило дипломъ 6; въ 1888 году кончило курсъ 10 воспитанниковъ, изъ числа ихъ 6-мъ вручены дипломы; въ 1889 г. кончило курсъ 8 воспитанниковъ, изъ нихъ 6-ро получили дипломъ на руки; въ 1892 году удостоено дипломовъ 11 воспитанниковъ, а выдано 7 (по обычаю, — лицамъ имѣвшимъ священ. санъ ко дню выпускнаго акта) ³⁾. Изъ этого неполнаго статистическаго обзора, во всякомъ случаѣ съ достаточною ясностію открывается, что число учащихся и оканчивающихъ курсъ въ Халкинскомъ училищѣ не можетъ удовлетворять нуждамъ Константинопольской церкви въ образованныхъ священнослужителяхъ.

Въ девяностыхъ годахъ XIX-го вѣка Халкинское училище претерпѣло двѣ катастрофы, изъ которыхъ одна была особенно тяжела—разрушеніемъ землетрясеніе, случившееся въ Константинополь и на Мраморномъ морѣ въ 1894 году и разрушившее зданія этой школы ⁴⁾. И это случилось въ то

¹⁾ Chassiotis L'instruction publique chez les Grecs, p. 438. Paris, 1881

²⁾ *Ἐκκλησιαστικὴ Βιβλιοθήκη*, 1886, τόμ. 3, σελ. 220

³⁾ *Ἐκκλησιαστικὴ Βιβλιοθήκη*, 1886, τόμ. 3, σελ. 220; 1888, № 34, σελ. 269, 1889, № 36, σελ. 281; 1892, № 19, σελ. 145

Нужно сказать, что краткіе ежегодные отчеты, печатаемые въ этомъ журналѣ въ юлѣ мѣсяцѣ о Халкинской школѣ, не отличаются содержательностію и даже единообразіемъ сообщаемыхъ извѣстій. Это просто наброски, а не данныя оффиціальныя.

⁴⁾ Землетрясеніе, разрушившее Халкинское училище, описано въ одной изъ газетъ въ слѣдующихъ чертахъ: „28 іюня было роковымъ днемъ для Константинопольской патриархіи. Разразившееся въ этотъ день въ Константинополѣ и въ ближайшихъ къ нему областяхъ, страшное землетрясеніе нанесло непоправимый ущербъ всему мѣстному населенію. Кромѣ множества, не рѣдко древнихъ историческихъ, монастырей, обрѣтшася въ развалины богословская семинарія на о. Халки. Окончательно

время, когда училище только-что закончило свое благоустройство: въ 1892 году школа была расширена чрезъ пристройку, заключающую въ себѣ парадный ходъ, актовъ залъ, залъ правленія и проч. ¹⁾ Вслѣдствіе постигшаго бѣдствія ученіе на о. Халки прекратилось на долгое время. На возстановленіе разрушенныхъ зданій Халкинскаго училища употреблено было два года. Освященіе возобновленныхъ зданій и водвореніе въ нихъ ученическаго и учительскаго персонала происходило весьма торжественно 6 октября 1896 года. Училище перестроено на средства какого-то грека Павла Стефановика, и обошлось въ 200,000 рублей. Для увѣковеченія заслугъ строителя на фронтѣ школы, по распоряженію патріарха, золотыми буквами выбита слѣдующая надпись: „прекрасный храмъ, который раньше воздвигнуть сонмъ архіереевъ для небесной мудрости, обрушившійся при землетрясеніи, снова создалъ щедрый мужъ по велѣнію сердца своего Павелъ Стефановикъ, подаривъ его священной матери, которой онъ есть чадо; по сему и вы обитающіе въ этомъ домѣ небесной музы, питайте такое же стремленіе къ мудрости, какое и онъ, строитель, питаетъ“ Такъ какъ всѣ издержки по обновленію зданій училища указанный „великій благодѣтель церкви и народа“ (какъ именуетъ его Константинопольскій Синодъ и Народный Совѣтъ) принялъ на свой счетъ, то всѣ прочія значительныя пожертвованія, сдѣланныя съ цѣлю возобновленія школы патріархомъ, церквами, монастырями и другими милостивцами, обращены въ неприкосновенный капиталъ, назначенный на содержаніе

разрушеніе этой семинаріи особенно опечалило свят. Синодъ и вселенскаго патріарха. Въ нынѣшнемъ (1894 г.) году въ немъ предполагаютъ ввести нѣкоторыя улучшенія (вѣроятно по случаю юбилея училища), сообразныя съ требованіями настоящаго времени, но Богъ судитъ иное.— въ немъ *не осталось теперь камня на камень* Комиссія изъ членовъ священнаго Синода, съ патріархомъ во главѣ, два дня пребыла для осмотра бѣдствія на о. Халки, рѣшила, покаместъ, немедленно извлечь изъ-подъ развалинъ семинарскую библіотеку (до 9 000 томовъ) Синодъ же опредѣлилъ всѣхъ учениковъ немедленно распустить по домамъ, прекратить занятія на цѣлый годъ и изыскать средства для возстановленія семинаріи въ теченіе этого времени (а на самомъ дѣлѣ для таковаго возстановленія потребовалось болѣе времени) *Церковный Вѣстникъ*, 1894, № 32, стр. 509—510.

¹⁾ *Γελησιαστικὴ Μητρόσις*, 1892, № 19, σελ. 146

училища ¹⁾. Значитъ, имѣтъ худа безъ добра. Въ лучшемъ ли видѣ возстановлено училище по сравненію съ прежнимъ, указаніи на это мы не имѣемъ. Первый выпускъ изъ школы, по ея возобновленіи, происходилъ въ 1897 году, при чемъ право на дипломъ получили 12 воспитанниковъ, изъ которыхъ восьмеро имѣли духовный санъ и потому удостоены торжественной выдачи дипломовъ. Всего учащихся въ училищѣ было въ это время около 100 человекъ ²⁾.

Другая катастрофа меньшаго значенія произошла въ средѣ административнаго, педагогическаго и ученическаго міра Халкинской школы. Причина явленія остается неясна. Вотъ описаніе печальнаго событія, усмотрѣнное нами на страницахъ одного русскаго духовнаго журнала ³⁾. Въ стѣнахъ Халкинскаго богословскаго училища въ настоящемъ году (т. е. 1897—98 учебн. году) произошли прискорбныя событія, которыя не скрываетъ и официальное изданіе Константинопольской церкви: „Церковная истина“. Последнія двадцать лѣтъ Халкинская семинарія находилась подъ управленіемъ архимандрита Германа Григоря, человека весьма почтеннаго и по образованію, и по службѣ, и по лѣтамъ. Въ концѣ 1897 года между ректоромъ, Григоріемъ, и нѣкоторыми преподавателями семинаріи возникли разногласія по обстоятельствамъ, о которыхъ греческія газеты однако умалчиваютъ. Та и другая сторона обратилась къ суду Синода Константинопольской церкви. Синодъ разслѣдовалъ дѣло, постановилъ уволить отъ должности преподавателей (около (?) восьми), не находившихъ возможности служить подъ управленіемъ архим. Германа. На чрезъ нѣсколько времени Синодъ отмѣнилъ свое постановленіе, возстановилъ въ правахъ уволенныхъ—было преподавателей и предложилъ подать въ отставку самому ректору. Это распоряженіе вызвало движеніе среди воспитанниковъ, которые весьма любили своего начальника и желали продолжать образованіе подъ его руководствомъ. Когда же Германъ Григоря вышелъ въ отставку, вмѣстѣ съ нимъ покинули училище до пятидесяти учениковъ, и въ школѣ осталось лишь около 20-ти учениковъ. Занятія въ школѣ пре-

¹⁾ „Церк. Вѣдомости“, 1896, № 48, стр. 1799—1800.

²⁾ Тамъ-же. 1897, № 39, стр. 1407.

³⁾ „Странички“, 1898 г., г. II, стр. 199—200.

кратились. Они снова начались лишь въ концѣ февраля 1898 года, когда опять возвратились въ школу нѣкоторые изъ ея учениковъ, получивъ на это разрѣшеніе отъ Синода. Въ концѣ февраля ихъ было до 40-ка человекъ. Ректоромъ Халкинской семинаріи временно назначенъ ехолархъ „великой національной школы“ архимандритъ Михаилъ Клеовуль, а прежній начальникъ Халкинской семинаріи удалился на покой. Вскорѣ за тѣмъ въ этой школѣ водворился миръ и порядокъ, но питомцы ея не все возвратились подъ кровъ своего прежняго пріюта.—Мы лично питаемъ надежду, что описанныя событія не будутъ сопровождаться опасными потрясеніями въ жизни Халкинскаго училища.

Изъ вышеприведенныхъ нами статистическихъ данныхъ съ несомнѣнностію открывается, что большая часть питомцевъ Халкинской школы ¹⁾ посвящаютъ себя на служеніе церкви, это именно воспитанники, получающіе дипломъ, какъ принявшіе духовный санъ или въ школѣ, или же по выходѣ изъ нея. Эта часть воспитанниковъ и составляетъ главный контингентъ образованнаго греческаго духовенства въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Они обыкновенно дѣлаются преподавателями въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, занимаютъ священническія мѣста при греческихъ церквахъ за-границей—въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и въ другихъ просвѣщеныхъ центрахъ Европы и даже Америки, получаютъ лучшіе приходы въ городахъ и исполняютъ обязанности секретарей, протоспикелловъ и другихъ должностныхъ лицъ при патріархѣ Константинопольскомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ становятся кандидатами на выснія степени іерархіи: епископа, архіепископа, митрополита и даже патріарха ²⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что карьера воспитанниковъ Халкинскаго училища, получившихъ дипломъ, очень завидна, бѣда же въ томъ, что такихъ лицъ Халкинское училище доставляетъ въ очень ограниченномъ числѣ.

Но какъ ни завидна карьера воспитанниковъ Халкинскаго училища, съ другой стороны нужно сознаться, что ничего

¹⁾ Если проф. Дмитріевскій утверждаетъ противное, то его утверженіе неосновательно: „Труды Кіев. Дух. Акад.“, 1891, т. III, стр. 140.

²⁾ Тамъ-же, стр. 141.

завиднаго не представляет тотъ умственный багажъ, съ которымъ они покидаютъ школу, по окончаніи курса наукъ. Одинъ греческій писатель, по случаю 50-тилѣтняго юбилея Халкинскаго училища, оцѣнивая образовательное значеніе этого послѣдняго, въ 1894 году писалъ слѣдующее: высоко ли стоитъ научная дѣятельность этой школы? Нѣтъ, не высоко. „Исключите кое-какіе маленькіе и убогіе опыты и переидете прямо къ печальнымъ итогамъ. Гдѣ у насъ научное богословское движеніе въ послѣднее полустолѣтіе, гдѣ великія имена отечественныхъ богослововъ? Вотъ окончиваетъ курсъ въ Халкинскомъ училищѣ современный іерархъ и всякій можетъ подумать, что онъ *отрѣся* не только отъ міра, но и *отъ книгъ*. Богословское училище до сихъ поръ не ознаменовало себя изданіемъ хоть какого-либо ученаго труда. Намъ непопятно, какимъ образомъ честолюбіе нашихъ (греческихъ) іерарховъ позволяетъ имъ мириться съ современнымъ духовнымъ бесплодіемъ и отсутствіемъ умственныхъ занятій. Только тѣ пѣз шихъ, которые получили свое образованіе въ Германіи или въ Россіи, издаютъ кое-какія научныя работы и ревностно трудятся надъ духовнымъ воспитаніемъ нашего народа; всѣ же остальные, когда уѣзжаютъ съ о. Халки, *оставляютъ тамъ свои таланты, повидимому, гдубоко закопанными въ землю*. Поэтому въ теченіе многихъ уже лѣтъ, когда заходила рѣчь объ этомъ училищѣ, заходила и заходитъ рѣчь о его преобразованіи“¹⁾.

Печально слышать это!

Кромѣ Халкинскаго училища въ Константинопольскомъ патріархатѣ существуетъ еще такъ называемое центральное духовное (*ἱερατικόν*) училище²⁾; оно находится въ самомъ Константинополѣ и имѣетъ своимъ назначеніемъ готовить молодыхъ людей къ священнослужительскимъ должностямъ въ приходскихъ церквахъ. Объ этомъ училищѣ мы немного знаемъ; наше знаніе ограничивается нѣкоторымъ

1) „Халкинское богословское училище“ (1844—1894 г.), статья изъ журнала *Νεολόγος* (Церковныя Вѣдомости, 1894, № 37, стр. 1303)

2) Другихъ духовныхъ училищъ въ патріархатѣ нѣтъ. И это неудивительно, ибо источникъ, изъ котораго заимствуются деньги на содержаніе школъ, случаенъ, неопредѣленъ и скуденъ. Это „тарелка“, обносимая въ храмъ за богослуженіемъ — Свѣдѣніе взято изъ одного официального документа, о которомъ рѣчь ниже (Богосл. Вѣстн. 1893, III, 280)

знакомствомъ съ дѣйствующимъ уставомъ разсматриваемаго духовнаго училища. А этотъ уставъ есть вообще сколокъ съ устава Халкинской школы лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, обусловливаемыми спеціальною цѣлію училища. Какъ въ Халкинской школѣ, такъ и здѣсь управленіе сосредоточивается въ рукахъ Эфоріи, состоящей изъ трехъ митрополитовъ, членовъ патріаршаго синода. На разсмотрѣніе и утвержденіи Эфоріи восходятъ все дѣла, касающіяся учебно-воспитательныхъ порядковъ училища. Въ училище принимаются молодые люди, принадлежащіе къ епархіямъ, входящимъ въ составъ Константинопольскаго патріархата. Все они обязываются жить въ стѣнахъ заведенія, въ качествѣ казеннокоштныхъ. Ученики должны быть не моложе 18 и не старше 23 лѣтъ (здѣсь замѣтно небольшое различіе отъ требованій Халкинскаго устава). Поступающіе въ училище, ученики должны представить заслуживающаго довѣрія поручителя (а не архіерея, какъ въ уставѣ Халкинскаго училища) въ томъ, что они будутъ выполнять все возлагаемая на нихъ обязанности, и что по окончаніи курса ученія и по достиженіи опредѣленнаго канонами возраста и вступленіи въ бракъ (этого въ Халкинскомъ уставѣ нѣтъ), примутъ санъ священства. На этого поручителя возлагается долгъ въ извѣстномъ размѣрѣ вознаградить училище за напрасныя издержки въ случаѣ, если воспитанникъ по окончаніи курса не пожелаетъ принять священства, если онъ будетъ исключенъ за лѣность и худое поведеніе, или безъ всякихъ поводовъ оставитъ училище (правило это, какъ видимъ, цѣлкомъ взято изъ устава Халкинскаго училища). Но вотъ новое правило, котораго не встрѣчаемъ въ этомъ послѣднемъ уставѣ. Ученики должны представить отъ того архіерея, въ епархію котораго со временемъ намѣрены вступить, письменное удостовѣреніе, что по окончаніи ими курса ученія, онъ, архіерей, позаботится устроить ихъ на соответствующія ихъ образованію мѣста.—Въ училище принимаются лишь молодые люди, представившіе свидѣтельство объ окончаніи полного курса въ общинной школѣ. Училище доставляетъ ученикамъ бесплатно пищу, помѣщеніе и образованіе и всякое вспоможеніе, но одежду и книги они должны имѣть свои (опять повтореніе правила находящагося въ уставѣ Халкинскаго училища). Преподаватели центральнаго

духовнаго училища избираются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Халкинскомъ богословскомъ училищѣ. Училище имѣеть четыре годичныхъ класса. Предметами преподаванія служатъ науки какъ свѣтскія, такъ и богословскія. Къ первымъ, напримѣръ, относятся: греческій языкъ, географія, исторія, начатки логики и психологій, арифметика, а къ послѣднимъ: пространный катихизисъ, священная исторія В. и Н. Завѣта, церковная исторія, толкованіе свящ. Писанія, литургика, практическое каноническое право съ примѣненіемъ къ Педalionу (Кормчей), существуютъ и проповѣдническія упражненія. Разсматривая подробности училищной программы, видимъ, что въ числѣ греческихъ авторовъ, назначенныхъ для класснаго чтенія, встрѣчается Лукіанъ, сатирикъ II-го вѣка, безъ котораго, думается, легко могла бы обойтись духовная школа; но съ другой стороны съ удовольствіемъ слѣдуетъ отмѣтить то, что чрезъ все классы проходитъ обязательное классное чтеніе произведеній трехъ великихъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста (причемъ рационально поступаютъ, что чтеніе ихъ начинаютъ съ Златоуста, какъ простѣйшаго писателя). Не можемъ не указать на прекрасный и въ высшей степени цѣлесообразный обычай во всѣхъ классахъ упражнять воспитанниковъ въ чтеніи „молитвъ, тропарей, церковныхъ пѣснопѣній“ (Быть можетъ съ объясненіями отдѣльныхъ рѣченій и вообще содержанія молитвъ и пѣснопѣній). Въ числѣ недостатковъ духовно-училищной программы Константинопольской школы должно указать на слѣдующее: основное, догматическое, нравственное, пастырское и обличительное богословія, преподаваемыя въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, вовсе не находятъ себѣ мѣста въ кругу наукъ патріаршаго центрального духовнаго училища ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ: хорошо и то, что есть, ибо лучше что-либо, чѣмъ совсѣмъ ничего. Нужно однакожь замѣтить, что и это училище лишь въ малой мѣрѣ удовлетворяетъ широкой потребности, ощущаемой въ Константинопольскомъ патріархатѣ, имѣть болѣе или менѣе образованныхъ пастырей церкви.....

Немного пользы извлекаетъ Константинопольскій патріар-

¹⁾ Церковныя Вѣдомости, 1889, № 11, стр. 296 и дал.

хатъ и отъ учебныхъ заведеній, находящихся въ Греческомъ королевствѣ. Не смотря на то, что Эллада уже давно освобождена отъ турецкаго ига—на которое обыкновенно ссылаются Греки въ извиненіе своего малаго духовнаго развитія,—эта страна весьма мало дѣлаетъ для религіозно-умственнаго подъема не только Грековъ, подчиненныхъ Турціи, но и для своихъ соотечественниковъ. Первое мѣсто между учрежденіями, которыя должны быть полезны для насажденія и развитія богословской науки въ Греческомъ королевствѣ, занимаетъ богословскій факультетъ, открытій при Аѳинскомъ университетѣ въ 1837 году. Но къ сожалѣнію этотъ факультетъ не оправдываетъ даже и самыхъ малыхъ надеждъ, возлагаемыхъ на него. Аѳинскій университетъ организованъ нѣсколько иначе, чѣмъ наши университеты. Курсы въ этомъ университетѣ дѣлятся на двѣ части: на курсы общіе, обязательные для всѣхъ студентовъ безъ исключенія, и на курсы спеціальныя, принаровленные къ потребностямъ каждаго факультета въ отдѣльности. Курсы общіе составляютъ слѣдующія науки: всеобщая исторія, элементарная математика, естественная исторія, экспериментальная физика, элементарная химія, фармацевтическая (?) химія (6 наукъ) ¹⁾ Обязательность для всѣхъ студентовъ слушать общіе курсы—мы считаемъ прекраснымъ правиломъ. Но, увы, въ Аѳинскомъ университетѣ эти курсы могутъ приносить для студентовъ вообще, а для богослововъ въ частности неисчислимый вредъ. Дѣло въ томъ, что профессора Аѳинскаго университета стяжали себѣ нелестную славу безбожниковъ и нигилистовъ. Уже въ 1840 году одинъ изъ профессоровъ университета счелъ долгомъ въ актовой рѣчи защитити коллегію профессоровъ отъ упрека въ проповѣдываніи безбожія и повелъ дѣло такъ некусно, что больше оправдывалъ безбожіе, чѣмъ опровергалъ его и при этомъ смѣлой рукой касался почти всѣхъ догматовъ христіанской вѣры. Въ числѣ гостей на актѣ были и члены Аѳинскаго синода, которые молча слушали оратора, склонивъ свои головы, чтобы не подать повода къ беспорядкамъ въ многочисленномъ собра-

¹⁾ Chassiotis. L'instruction publique chez les Grecs. p. 307.—Любопытно что въ университетѣ православной націи въ числѣ общеобязательныхъ наукъ нѣтъ богословія. Въотъ что значитъ прогрессъ!"

ниі ¹⁾. А вотъ другой фактъ, тоже характеристическій, относящійся къ недавнему прошедшему (къ 1895 г.). Одинъ аѳинскій студентъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, устроилъ гражданскія похороны. Предъ раскрытой могилой выступилъ съ рѣчью товарищъ покойнаго и въ потрясающихъ чертахъ описалъ, чему ихъ учатъ въ университетѣ тѣ профессора, которые присутствовали тутъ-же. „Вѣра — ничто, отечество—ничто, душа—ничто, любовь къ родителямъ—ничто. Онъ не самоубійца—говорилъ ораторъ о трагически погибшемъ юношѣ—онъ убить и убить тѣмъ, кто научилъ насъ презирать вѣру и все“. Смѣлаго студента, конечно, исключили, а профессора... остались ²⁾. Чему могутъ учиться у такихъ профессоровъ студенты богословскаго факультета, обязательно слушая у нихъ общіе курсы — мы не можемъ себѣ представить.

Но перейдемъ къ описанію состоянія дѣлъ на богословскомъ факультетѣ. Когда открывался этотъ факультетъ, протестантское греческое правительство пожелало придать ему характеръ протестантскихъ богословскихъ факультетовъ. И это въ православной Греціи! Во главѣ немногочисленныхъ профессоровъ этого факультета поставленъ былъ нѣкто Теоκληтъ Фармакидъ, который нисколько не задумываясь, училъ, что все іерархическое развитіе церкви есть результатъ честолюбія императоровъ и самой іерархіи; онъ даже отвергалъ авторитетъ вселенскихъ соборовъ; не признавалъ монашества, хотя самъ принадлежалъ къ монахамъ; онъ же отвергалъ почитаніе иконъ и т. д. Фармакидъ, въ качествѣ ретиваго профессора, часто говаривалъ, что студентамъ нечего поститься и некогда молиться и что они должны думать о наукѣ ³⁾. О томъ же Фармакидъ рассказываютъ, что онъ вмѣстѣ съ другими лицами хлопоталъ о введеніи Библіи, переведенной съ еврейскаго на греческій языкъ, въ народное употребленіе въ подрывъ Библіи LXX-ти и въ видахъ

¹⁾ Проф. Θ. А. Кургановъ. Устройство въ церкви королевства греческаго, стр. 441. Казань, 1871.

²⁾ Церковный Вѣстникъ, 1896 г., № 48, стр. 1568: С (т е архим. Сергія). Письмо изъ Аѳинъ.

³⁾ Проф. Θ. А. Курганова. Устройство въ церкви королевства греческаго, стр. 440.

подготовленія народа къ усвоенію ученія лютеранскаго ¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Фармакида скоро выкурили изъ университета: онъ былъ невозможенъ въ роли профессора православнаго богословія. Но это въ сущности мало улучшило общее положеніе дѣлъ въ факультетѣ. Факультетъ во все времена остается какимъ-то недоноскомъ. Ученіе шло плохо, профессоровъ было мало; значеніе его сводилось чуть не къ нулю. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ, можно сказать жалкомъ, положеніи находилась этотъ факультетъ въ 1892 году (и раньше). Свидѣтельство извлекаемъ изъ источника самаго компететнаго, изъ оффиціального доклада парламенту со стороны Аѳинскаго митрополита Германа, предѣлателя мѣстнаго синода. Германъ въ своемъ докладѣ говоритъ: „Богословская школа при университетѣ (каковымъ именемъ на оффиціальномъ языкѣ пазывается богословскій факультетъ Аѳинскаго университета), считающаяся лишнею (разумѣется, съ точки зрѣнія парламентской камарилли) въ университетѣ, съ самаго ея учрежденія содержится очень бѣдно и потому она никогда не имѣла болѣе шести профессоровъ. Въ послѣднее время даже и это число уменьшилось до 4-хъ, каковое число совершенно недостаточно для систематическаго богословскаго образованія учащихся, хотя бы учащіе считались самыми трудолюбивыми и самыми учеными профессорами. Студенты записываются въ эту школу (факультетъ) одни изъ дѣйствительной любви къ наукѣ, а другіе или потому, что вынуждены къ этому какими-либо виѣшними побужденіями, или изъ желанія пользоваться стипендіями изъ оставленныхъ нѣкоторыми благочестивыми людьми по завѣщанію капиталовъ; эти послѣдніе записываются въ богословскую школу, а слушаютъ лекціи чаще всего въ другихъ школахъ (факультетахъ). Отсюда понятно, почему плоды богословской школы нашего университета не соответствуютъ надеждамъ церкви и нуждамъ націи“ ²⁾ Нѣкоторые русскіе ученые причину захудалаго состоянія богословскаго факультета въ Аѳинахъ ищутъ въ самомъ характерѣ и направленіи богословской

¹⁾ Епископа Порфирія. Книга бытія моего Т 1, стр 181 Петербур. 1894

²⁾ Докладъ митр. Аѳинскаго Германа депутатамъ парламента: „Богословскій Вѣстникъ“, 1893, III, 264

науки здѣсь. Такъ извѣстный знатокъ православнаго Востока нашего времени проф. А. А. Дмитріевскій говоритъ: „богословскій факультетъ названнаго университета зачахъ такъ сказать съ момента своего рожденія на свѣтъ и въ состояніи такого прозябанія продолжаетъ существовать до сего дня (1892 г.), бдѣный профессорами и слушателями; потому что онъ пришелся не по вкусу греческаго юношества (!), а это произошло отъ того, что тамошніе дидаскалы черпали свою мудрость не въ твореніяхъ великихъ христіанскихъ богослововъ и философовъ, а въ многотомныхъ произведеніяхъ западныхъ богослововъ мыслителей и въ аудиторіяхъ германскихъ и англійскихъ университетовъ“¹⁾. Такимъ образомъ, по словамъ почтеннаго ученаго, слѣдуетъ, что факультетъ не процвѣталъ отъ того, что у профессоровъ его зашелъ умъ-за-разумъ по причинѣ излишняго увлеченія западной наукой, а студенты не хотятъ де слушать такихъ помутившихся профессоровъ. Но на самомъ дѣлѣ ничего такого не было. На причину захудалости факультета отчасти указываетъ вышеупомянутый докладъ Германа. Эта причина много проще и не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Ее вполне удовлетворительно разъясняетъ одинъ очень внимательный наблюдатель именно аѳинской жизни. Онъ пишетъ: „богословскій факультетъ въ Аѳинахъ находится совсѣмъ въ забросѣ и не можетъ никакими силами выпросить себѣ денегъ у правительства на открытіе новыхъ кафедръ. Нужно выпрашивать, вымаливать денегъ у парламентскаго большинства, но оно спокойно готово тратить милліоны на жалованье чиновникамъ, но *ни гроша* не даетъ для церкви“²⁾. Значитъ, ларчикъ просто отворялся. Правительство смотритъ съ пренебреженіемъ на богословскій факультетъ, относится къ нему, какъ мачиха къ нелюбимому сынку. Профессоровъ богословскихъ наукъ въ немъ очень мало, да и тѣмъ, какъ бы въ насмѣшку, правительство назначило меньшій окладъ жалованья, чѣмъ прочимъ профессорамъ университета. Спѣшимъ добавить, что вышеупомянутый докладъ митрополита Германа парламенту остался безъ всякихъ послѣдствій.

¹⁾ Труды Кіев. Дух. Академіи, 1892, т. III, 468

²⁾ Церк. Вѣстникъ, 1896, № 47, стр. 1542. Письмо изъ Аѳинъ С (т. е. арх. Сергія, настоятеля при Аѳинскомъ посольствѣ)

Наилучшей иллюстраціей заирѣлости богословскаго аѳинскаго факультета служатъ статистическія данныя, относящіяся къ первому сороколѣтію существованія Аѳинскаго университета и указывающія до нельзя жалкое число слушателей, приходившееся на богословской факультетъ въ 1837—77 годахъ. Общее число студентовъ въ 1837—77 годахъ простиралось до 8,426, изъ нихъ на богословскомъ факультетѣ было 306. Изъ вышеуказаннаго общаго числа студентовъ: 2,518 принадлежали къ Грекамъ, подчиненнымъ турецкой власти. На богословскомъ факультетѣ изъ 306 человекъ, въ теченіе 1-го десятилѣтія (1837—1847 г.) было 34 слушателя (при чемъ въ 1844 году почему-то сюда не поступило ни одного слушателя); во 2-ое десятилѣтіе (1847—1857 г.)—63; въ 3-ье десятилѣтіе (1857—1867)—110; въ 4-ое же десятилѣтіе (1867—1877 г.) 99 ¹⁾. Мало, очень мало! Любопытный вопросъ: поступаютъ ли и сколько поступаютъ въ Аѳинскій богословскій факультетъ Грековъ, подчиненныхъ турецкой власти, и въ частности изъ Константинопольскаго патріархата,—но для рѣшенія его мы не располагаемъ данными. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ невѣроятнымъ, чтобы изъ числа 2518 слушателей (въ теченіе 1837—77 г.), прибывшихъ учиться сюда и принадлежащихъ къ поданнымъ турецкой власти, совсѣмъ не было такихъ лицъ, которые записались бы на богословскій факультетъ. Но во всякомъ случаѣ, по увѣренію А. А. Дмитріевскаго, воспитанникъ Халкинской школы на богословскій факультетъ въ Аѳинахъ нейдутъ. Опъ говоритъ: „часть воспитанниковъ Халкинской школы по окончаніи курса, (разумеются, не имѣющіе сана), снимая съ себя ряски и камилавки, именуемая скуфами, подстригаютъ себѣ волосы и поступаютъ на всѣ факультеты Аѳинскаго университета, кромѣ факультета богословскаго“ ²⁾. Впрочемъ оставляемъ это извѣстіе на отвѣтственности нашего востоковѣда.....

Историки греческой церкви, когда сообщаютъ свѣдѣнія о богословскомъ аѳинскомъ факультетѣ, то непременно при этомъ упоминаютъ о Ризаріевской школѣ или гимназій, находящейся въ Аѳинахъ. Что это за школа, и какое отношеніе

¹⁾ Chassiotis. L'instruction publique chez le Grecs, p. 314—315

²⁾ Трудъ Кіев. Дух. Акад., 1891, т. III, 140

она имѣеть къ богословской наукѣ и духовнымъ интересамъ? Ризаріевская гимназія, по мысли ея основателей — Грековъ, братьевъ Ризаріевъ, должна была сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ духовной семинаріи въ Аѳинахъ. Обладая большимъ капиталомъ и желая помочь духовному образованію въ греческомъ королевствѣ, они, по завѣщанію, отказали свои богатства на устройство школы въ Аѳинахъ, которая должна была обучать и воспитывать юношей, имѣющихъ въ виду сдѣлаться впоследствии священниками въ Греціи. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ должны были и содержаніе получать отъ школы же, въ качествѣ пансіонеровъ. Ризаріевская школа открыта въ 1844 году ¹⁾. Имѣеть 5 классовъ, въ которыхъ проходятся слѣдующія науки. 1) Греческій и латинскій языки, 2) Исторія и географія, 3) математика, 4) физика, 5) элементарная философія, 6) французскій языкъ, 7) христіанская нравственность, 8) катихизисъ, 9) свящ. и церковная исторія, 10) догматика, 11) введеніе въ свящ. Писаніе, 12) литургика, 13) проповѣдь (практическія упражненія), 14) каллиграфія, рисованіе, церковное пѣніе. Первый классъ имѣеть собственно приготовительный курсъ и похожъ на элементарную греческую школу, 2—4 аналогичны тремъ высшимъ классамъ гимназіи съ тѣмъ различіемъ, что въ Ризаріевской школѣ богословскіе предметы и латынь изучаются пространнѣе, 5-й назначенъ на изученіе высшей богословской науки. Курсъ послѣдняго года устроенъ быть такъ, что ученики богословскаго класса могли нужныя имъ науки слушать въ университетѣ вмѣстѣ со студентами богословскаго факультета на этомъ факультетѣ ²⁾. (Очевидно университетъ и Ризаріевская школа и по мѣстоположенію находятся другъ подлѣ друга). Но не смотря на все это, школа оказалась безплодной. Въ первые годы существованія школа очутилась подъ вліяніемъ такихъ лицъ, какъ Фармакидъ, уже извѣстный намъ: богословскія науки преподавались въ духѣ, чуждомъ православію. Притомъ же этимъ наукамъ отводилось очень мало мѣста ³⁾. Какіхъ ректоровъ

¹⁾ Chassiotis p 278—279; „Изъ отчета министра церковныхъ дѣлъ въ Аѳинахъ“: „Христ Чит“, 1863, ч II, 133—134

²⁾ Chassiotis, p 279

³⁾ Проф Кургановъ Высшеказанное сочиненіе, стр 444—445

имѣла иногда эта злосчастная школа-семинарія, можно видѣть на слѣдующемъ поучительномъ примѣрѣ. Разъ ректоромъ ея назначенъ былъ греческій священникъ Григорій Калаганисъ, много жившій на западѣ и проникнутый вольнымъ его духомъ. Онъ сталъ съ такимъ пренебреженіемъ относиться къ церковнымъ обрядамъ въ школѣ, что сами ученики стали просить о его смѣщеніи. Покидая ректуру, Калаганисъ съ усмѣшкою говорилъ: „слышите, мало того, что я протестантъ, нѣтъ, я еще и Лютеръ и Кальвинъ вмѣстѣ“¹⁾. Значитъ, въ ректора этого училища попадали люди, меньше всего идущіе къ этой роли. При такомъ положеніи вещей получались такіе изумительные результаты, которыхъ не могъ бы предсказать ни одинъ pessimistъ. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ существованія Ризаріевской семинаріи, на нее истрачено было болѣе 100,000 драхмъ, и однакъжь изъ числа ея воспитанниковъ только *трое* приняли на себя духовный санъ²⁾. Одною изъ причинъ, по которой питомцы школы не хотѣли идти во священники—нужно сказать была крайняя необезпеченность духовенства, чисто нищенская жизнь, какую приходилось вести Греческимъ священникамъ, особенно сельскимъ. Общую картину Ризаріевской школы рисуетъ намъ вышеупомянутый Аѳинскій митрополитъ Германъ въ докладѣ парламенту, въ 1892 году. Германъ заявлялъ: „щедрый и поистинѣ царскій даръ церкви и націи, принесенный братьями Ризаріями, не былъ оцененъ, какъ слѣдуетъ, тѣмъ, отъ кого зависѣло исполненіе воли жертвователей, и потому не вполне достигнутою осталась цѣль приснопамятныхъ Ризаріевъ, чтобы въ ихъ школѣ получали образованіе лишь тѣ изъ дѣтей Грековъ, которыя намѣрены облечься въ священническое одѣяніе. Такая неудача въ достиженіи ихъ завѣтной цѣли происходитъ отъ того, что съ одной стороны люди, поставленные на стражѣ точнаго исполненія завѣщанія Ризаріевъ или во все пренебрегаютъ имъ, или же иногда дѣлаютъ распоряженія противоположныя указанному въ завѣщаніи и уставѣ (училища);

¹⁾ Архимандрита Антонова (покойнаго настоятеля при русской миссіи въ Иерусалимѣ). „Изъ Румеліи“, стр. 582—583 С-Петербургъ, 1886.

²⁾ „Изъ отчета министра церковныхъ дѣлъ въ Аѳинахъ“: *Христ. Чит.* 1863, ч. II. 134—135

а съ другой стороны приготовляющіеся къ принятію священнаго сана, иногда и до окончанія ученія, не обращаютъ на это вниманія, а по окончаніи курса немедленно бросаютъ священное одѣяніе (очевидно, замѣтимъ мы, воспитанники Ризаріевской школы, подобно ученикамъ Халкинскаго училища, носятъ подрясники и полурыски) и надѣваютъ свѣтское и выбираютъ другой родъ жизни, слѣдуя примѣру прежнихъ, старшихъ по курсу ученія, сотоварищей“¹⁾.

Статистическія данныя, относящіяся къ изучасмоі памп школѣ и обнимающія 1844—1877 годы ея существованія (34 года), однако показываютъ, что избѣгаютъ священства не всѣ воспитанники Ризаріевской семинаріи, а собственно (хотя это-то особенно и странно) такъ называемые пансіонеры, т. е. казеннокоштные. Всего пансіонеровъ въ этой школѣ въ 1844—77 годахъ было 389 человекъ, да кромѣ того экстерновъ (т. е. своекоштныхъ, приходящихъ) около 200. *Изъ турецкихъ провинцій было 35 человекъ.* Священниками изъ 389 человекъ сдѣлались только 38 человекъ (по одному на годъ бытія школы). Но вотъ это интересно, почти всѣ 200 экстерновъ приняли священный санъ²⁾. Такое различіе экстерновъ отъ пансіонеровъ, какъ намъ кажется, объясняется тѣмъ, что экстерны посылаются въ школу откуда-нибудь изъ далекихъ провинцій и содержатся въ ней съ непремѣннымъ условіемъ впоследствии принять священство; а пансіонеры берутъ на себя, повидимому, лишь нравственное обязательство посвятить себя на служеніе церкви³⁾ и не исполняютъ этого обязательства. Что касается 35 воспитанниковъ Ризаріевской школы, прибывшихъ изъ турецкихъ провинцій, то, безъ сомнѣнія, они принадлежатъ къ экстернамъ и слѣдовательно почти всѣ они сдѣлались впоследствии священниками на родинѣ, вѣроятно же всего въ обширномъ Константинопольскомъ патріархатѣ. Не принявшіе же на себя священства, пансіонеры этой школы дѣлались учителями (преимущественно на турецкомъ Востокѣ), медиками, ком-

¹⁾ Докладъ митр Германа: „Богослов Вѣсти“. 1893, т. III, 266

²⁾ Chassiotis, p. 282

³⁾ Во всякомъ случаѣ известно, что пансіонеры, отказавшіеся отъ священства по окончаніи курса, никакому денежному штрафу не подвергаются Проф Курянова, вышеуказан сочин стр. 444

мерсантами ¹⁾. Такимъ образомъ Ризаріевская школа хоть нѣкоторую пользу оказывала и греческой церкви въ турецкихъ областяхъ.

Въ послѣднее время, можно сказать, на дняхъ совершилось нѣкоторое измѣненіе къ лучшему въ положеніи какъ богословскаго факультета въ Аѣнахъ, такъ и Ризаріевой семинаріи. Этимъ богословская наука обязана теперешнему Аѣнскому митрополиту Прокопію (воспитанникъ Мос. Дух. Академіи). Онъ обратился съ энергическимъ ходатайствомъ къ правительству объ улучшеніи вышеназванныхъ школъ; и въ результатъ получилось слѣдующее: на богословскомъ факультетѣ вновь открыто еще *три* богословскихъ кафедръ, которыя и замѣщены уже достойными профессорами, а въ Ризаріевской школѣ прибавленъ еще классъ (нисшій), и расширено преподаваніе богословскихъ наукъ ²⁾. Этимъ благопріятнымъ результатомъ греческая церковь обязана между прочимъ послѣдней постыдной войнѣ Грековъ съ Турками: Греки понесли полное пораженіе, обнаруживъ изумительное отсутствіе мужества, и правительство королевства убѣдилось, что безъ религіи (о которой въ Греціи, по отдѣленіи здѣшней церкви отъ Константинопольскаго патріархата, совсѣмъ *забыли*) и воевать невозможно (извѣстно, что никто такъ не боится смерти, какъ люди лишенные утѣшеній религіи), а потому рѣшилось снова поставить христіанскую церковь на подобающую ей высоту въ греческомъ королевствѣ. Громъ ударилъ, Грекъ перекрестился. Впрочемъ, что на самомъ дѣлѣ выйдетъ изъ тѣхъ улучшеній, какихъ достигли въ настоящее время богословскій Аѣнскій факультетъ и Ризаріева школа—гадать еще рано ³⁾..

Въ заключеніе нашего очерка церковныхъ или духовныхъ

¹⁾ Chassiotis, p 281—282

²⁾ Цер. Вѣдомости, 1898, № 5, стр 208; и № 27, стр 1032

³⁾ Кромѣ Аѣнскаго богословскаго факультета и Ризаріевой школы въ греческомъ королевствѣ существуетъ четыре (впрочемъ одна закрылась) т. н. *священническія школы*, въ родѣ нашихъ духовныхъ училищъ: онѣ открыты въ 1836 году и имѣютъ цѣлю готовить юношей къ духовному званію. Разумѣется, они очень плохи, и мы не считаемъ нужнымъ говорить о нихъ, такъ какъ мнѣ никакой пользы духовно-просвѣтительнымъ интересамъ *Константинопольскаго патріархата* оказывать не могли. См о нихъ въ докладѣ митр Германа: „Богослов Вѣст“, 1893, III 267—268.

школъ Константинопольскаго патріархата и такихъ же школъ греческаго королевства, которыя тоже могли бы служить добрую службу образовательнымъ интересамъ сейчасъ упомянутаго патріархата, еслибы онѣ хоть сколько нибудь отвѣчали своему назначенію, мы должны въ нѣсколькихъ словахъ разрѣшить естественный вопросъ: въ какомъ положеніи находится духовное просвѣщеніе пастырей т. н. „Великой церкви“,—лучше ли оно стало теперь (приблизительно послѣ 40-хъ годовъ XIX-го вѣка, когда получила бытіе Халкинская богословская школа), чѣмъ каково оно было раньше, то есть до появленія духовныхъ школъ какъ здѣсь, такъ и въ греческомъ королевствѣ? Послѣ того, что мы говорили выше о духовныхъ школахъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ готовить образованныхъ пастырей для Константинопольскаго патріархата, читатели, конечно, не ждутъ отъ насъ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, и они имѣютъ на то полное право. Вотъ какія вѣсти приходится читать за послѣднее время. Теперешній Константинопольскій патріархъ Константинъ V-й, стремясь улучшить составъ приходскихъ священниковъ въ патріархатѣ, въ 1897 году повелѣлъ особой комиссіи (эпитропії) ознакомиться съ ихъ познаніями посредствомъ особаго экзамена и предписать всѣмъ священнослужителямъ его патріархата явиться въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ патріархію для сдачи испытаній по катихизису, свящ. исторіи и литургикѣ; этотъ экзамень долженъ показать, насколько каждый изъ священниковъ заботится о своемъ самообразованіи ¹⁾. Нужно сказать, что по малочисленности воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній въ Константинопольской архіепископії, во священники здѣсь поступаютъ и лица, неподготовленные къ этому званію, какъ это было и прежде, въ старину, именно учившіеся лишь въ начальныхъ школахъ или же гимназіяхъ ²⁾. Какъ происходилъ вышеуказанный удивительный экзамень, какіе результаты онѣ далъ, даже происходилъ ли на самомъ дѣлѣ—мы не знаемъ. Для насъ важенъ фактъ требованія подобнаго экзамена. Этотъ фактъ показываетъ, что священники патріархата далеко не всѣ знаютъ того, что вѣдать обяза-

¹⁾ Церк. Вѣдомости, 1897, № 39, стр. 1406

²⁾ Проф. А. А. Дмитріевскаго (Труды Киев. Дух. Академіи. 1891, III, 136)

каждый прошедшій школу—христианинъ-мирянинъ. А вотъ другое извѣстiе. Въ 1898 году, въ Константинопольской газетѣ: *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια* (№ 42) опубликовано окружное посланiе святѣйшаго синода Константинопольской церкви, изъ котораго узнаемъ, что iерархи патрiархата „рукополагають въ санъ священника лицъ, работавшихъ недавно заступомъ или пилою, не развитыхъ умственно и не укрѣпленныхъ нравственно и вообще *безъ всякой подготовки и обученiя, необходимыхъ для прохожденiя священнической должности*“ ¹⁾. Надѣмся, что читатели послѣ этого не потребуютъ отъ насъ еще другихъ фактовъ для подтвержденiя печальнаго положенiя разсматриваемаго дѣла.

Закончимъ нашъ очеркъ о школахъ Константинопольскаго патрiархата тѣми же словами, которыми заканчиваетъ свою статью на эту же тему греческiй ученый нашего времени Хазiотисъ: „надѣмся, что уже приближается тотъ счастливый день, когда народное воспитанiе (и прибавимъ: священнослужительское) у Грековъ покажетъ себя достойнымъ какъ великихъ педагогическихъ преданiй ихъ предковъ, такъ и той эпохи, въ какую мы живемъ“ ²⁾. Ну что-жь? еще по-дождемъ.

А. Лебедевъ.

¹⁾ Церков. Вѣдом., 1898, № 52, стр. 2008.

²⁾ *Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος, τόμ. 8, σελ. 129*